

Сердце родителя

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к российскому изданию (ЛГБТ-инициативная группа «Выход»)	5
Предисловие (Совет Европы)	6
Введение (Правление ENP)	7
Письмо (Россия)	9
История 1. Моё счастье – результат пролитых слёз, настойчивости и надежды. Фернанда Феррейра (Португалия)	11
История 2. Мой сын освободил меня от оков чопорного, негибкого и ограниченного сознания. Аноним (Норвегия)	13
История 3. У меня было единственное преимущество. Агнес Гиёмант (Венгрия)	16
История 4. Нам нужно узнавать наших гомосексуальных детей, слушать и любить их так же, как мы любим других детей. Пепе и Пури (Испания)	18
История 5. На самом деле, моя дочь — мальчик! Мария Аугуста Сантош (Португалия)	20
История 6. Несмотря ни на что. Анна Ригни (Ирландия)	22
История 7. Этот опыт изменил нас. Коррадо и Микела (Италия)	24
История 8. Двойной каминг-аут. Эва Туза (Венгрия)	27
История 9. Я не могла понять, как такое могло произойти? Мама Симона (Литва)	29
История 10. Трудно изменить прежние мысли. Джонни (Ирландия)	31
История 11. Любящая семья под давлением внешних обстоятельств. Пьера (Италия)	34
История 12. Всё не так, как кажется. Биргуль (Турция)	36
История 13. Боже, как мой ребёнок будет жить в этом гомофобном обществе? Мама Вайда (Литва)	40
История 14. Безусловная любовь. Тэо и Марджо Кёйперс (Нидерланды)	43
История 15. Я стою горой за любимого сына. Мелани Центрих (Словения)	46
История 16. Я написала это письмо, чтобы объяснить ситуацию. “Марта” (Испания)	49
История 17. В каждом из нас зажётся новый огонь. Карло Терриака (Италия)	51
История 18. «Мам, Павел хочет кое-что тебе сказать... Он гей». Мардженна Латавич (Польша)	53
История 19. Сохраним это в тайне. Галина (Украина)	55

История 20. Станция метро. Салих (Турция).....	58
История 21. А ты когда-нибудь...? Луиза Грэх (Мальта).....	62
История 22. Если ты счастлива — я тоже счастлива. Зулейха (Турция).....	66
История 23. О каминг-аутах и отношениях. Лиесма Осе (Латвия).....	70
История 24. Мы пытаемся понять, что происходит. Олёна (Украина).....	73
История 25. Что чувствует мать гея? Шпреза Кодра (Албания).....	75
История 26. Моему птенчику. Незе Тамер (Турция).....	79
История 27. Рома прожил свою жизнь гордым человеком и я очень рада за него. Марина Мельник (Россия).....	81
История 28. Я почувствовала свою большую ответственность: я должна понять свою дочь и вести себя правильно. М (Россия – сейчас живет в другой стране).....	84
История 29. Это мне подарок судьбы такой. Елена Николаевна (Россия).....	87
Заключение.....	91

WWW.COMINGOUTSPB.COM

Предисловие к российскому изданию

Весной 2021 года Европейская Сеть Родителей ЛГБТ*-персон подарила нам несколько экземпляров «Tell it out!» и мы сразу подумали о нашем Родительском клубе! У нас, в ЛГБТ-инициативной группе «Выход», в этой программе есть столько чудесных мам, и они точно захотят прочитать эти истории и поэтому мы решили перевести брошюру на русский.

Пока мы переводили и сопереживали историям, к которым вам еще предстоит прикоснуться, мы так вдохновились, что захотели дополнить брошюру словами российских родителей. А талантливая художница Света захотела дать этим историям визуальную жизнь. Так и появилось издание, которое вы держите сейчас в руках.

Особенно важна для нас 27-я история, история Ромы и его мамы Марины. Рома много лет был волонтером «Выхода», он ушел от нас в этом году, но остались его фотографии, история его борьбы и тепло семьи, которые продолжает поддерживать всех нас и после его смерти.

Это издание мы посвящаем памяти Ромы со словами благодарности его маме, которая нашла в себе силы поделиться своей историей боли и любви. А еще мы благодарны всем российским родителям, которые противостоят своей силой любовью гомофобии и трансфобии общества.

ЛГБТ-инициативная группа «Выход»

Предисловие (Совет Европы)

Совет Европы неоднократно обращал внимание на дискриминацию в отношении детей и молодых людей вследствие их сексуальной ориентации, гендерной идентичности или самовыражения и сексуальных особенностей (SOGIESC), а также на значимость родительской поддержки.

Многие родители не понимают, куда обратиться за советом в ситуации, когда их дети заявляют о своей неконформности в рамках SOGIESC. Пусть эта книга не заменит личных советов, но она наверняка сможет придать уверенности и оказать необходимую поддержку этим родителям.

Истории, описанные в этой книге, показывают, как важна любовь и поддерживают родителей вне зависимости от того, какие именно у них дети. Последствия дискриминации, основанные на доминирующих стереотипах и ограничивающих нормах общества, могут привести к тому, что дети вынуждены будут скрывать свое истинное я, испытывая неконтролируемый стресс, страх отвержения родителями и невысказанную боль. Принимающая, поддерживающая семья может помочь ребёнку обрести невероятное счастье и благополучие, а также обеспечить ему доступ ко всем тем возможностям для процветания, которые есть у других детей.

Кабинет Совета Европы по сексуальной ориентации и гендерной идентичности поддерживает отважных родителей, которые преподали лучшие уроки любви и преданности общим ценностям в обществе, которое подвергало дискриминации целые поколения детей из-за их истинной или предполагаемой сексуальной ориентации, гендерной идентичности/самовыражения или сексуальных характеристик. Мы искренне надеемся, что эти примеры из жизни вдохновят всех читателей.

*Элени Цецеку
Глава Кабинета Совета Европы
по сексуальной ориентации и гендерной идентичности*

Введение (Правление ENP)

Дорогие читательницы и читатели,

Эта книга — плод любви и преданности родителей, которых объединяет одна общая мечта: увидеть, как дети, особенно являющиеся ЛГБТ*, живут в обществе и в комьюнити, которые принимают их с любовью и относятся к ним с уважением.

Когда мы, родители, радуемся, если наши дети находят любовь всей своей жизни; когда мы довольны их работой; когда мы видим, как их принимают в комьюнити; когда мы осознаём свою принадлежность и цель своей жизни — всё это стоит предпринятых нами усилий. Мы счастливы только тогда, когда счастливы наши дети.

Однако мы знаем, что многие семьи молча страдают от того, что, возможно, никогда не увидят своих детей довольными своей жизнью и счастливыми. Многие семьи и по сей день живут в страхе и неприятии: из-за гомофобии и буллинга в школе, из-за дискриминации на работе или из-за того, что однополые отношения никогда не будут приняты и одобрены.

Европейская Сеть Родителей ЛГБТ*-персон (ENP) была основана в 2017 году с целью объединения семей, которые были так несправедливо отвергнуты. Благодаря обмену опытом родители учатся новому и вдохновляют друг друга на то, чтобы поверить в безусловную любовь. Даже несмотря на множество препятствий и притеснение. Все мы стремимся к надежде, к построению обществ, в которых справедливость и достоинство являются важными ценностями. Все мы разные, но каждая и каждый из нас делает вклад во всеобщее благо. Единственный способ победить разобщённость — открыть сердца и вступить в откровенный диалог. Об этом говорит опыт, пережитый нами в наших семьях. Мы хотим поделиться этим опытом. Мы хотим выйти из шкафа и рассказать правду о наших ЛГБТ*-детях, рассказать всему миру!

Мы не понаслышке знаем, какие страдания причиняет социальная изоляция. Мы пережили боль потери членов наших семей, покончивших с собой. Мы видели, как из-за непринятия разрушаются семьи. Это должно прекратиться. Мы должны спасти семьи.

Во время чтения этих историй попробуйте представить эмоции героев и героинь и внутренний путь, который они совершили, чтобы остаться в здравом уме, ежедневно преодолевая множество препятствий. Попробуйте поставить себя на место ваших знакомых, живущих рядом с вами, но вынужденных оставаться “невидимыми” для вас и для всего общества. Поддержите их. Помогите изменить отношение общества, чтобы помочь уязвимым, исключенным и одиноким.

Ваш голос имеет значение. Пожалуйста, помогите ENP отыскать больше людей. Благодарим вас за готовность прочитать эту книгу и узнать о том, как живут иные семьи. Делитесь своими впечатлениями, расскажите другим людям о ENP. Ваш вклад в создание безопасного и справедливого окружения для ЛГБТ*-людей очень важен для всех нас, ведь несмотря ни на что все мы — едины.

*Правление ENP
Маргарита Лима де Фария
Джозеф и Джозеанна Переджин
Свен Стаброт
Кристофер Вела*

мам, привет.

это я. мне сложно говорить, но уже не понятно, как молчать. ведь я молчу уже столько лет. я уже взрослая, почти старая, а все еще боюсь тебя расстроить. не понимаю, как с этим быть...

знаешь, я люблю свою подругу, а она любит меня. потому что это и не подруга совсем, и мы уже давно даже не романтические увлечения друг друга, как это было 9 лет назад. мы - семья. мы идем этим путем уже так долго, а ведь это не просто. да ты и сама знаешь, вы с папой тоже через многое прошли, как любая семья.

я тебя так люблю и этого ничего не изменит. но я так устала, у меня кончились все силы любить тебя... наверное возраст, здоровье подводит, проблемы на работе - и сил все меньше. мне так жалко, что ты не можешь разделить эту часть моей жизни. да даже не часть - это же вся моя жизнь, ее сердцевина. а ведь у меня такая классная жизнь, столько любви и понимания в моей семье, что каждый бы хотел так же. а у меня есть. это же ценнее всего, правда? ты же всегда говорила, что семья - это самое главное. и мне никак не понять, почему же пол человека вдруг все это меняет для других? и для тебя.

завтра вторник, дети уже спят. я пришила все пуговицы и помыла их ботинки (я знаю, что ты всегда расстраиваешься, когда я этого не делаю).

люблю тебя, мам.

если хочешь - напиши мне что-нибудь, а то очень страшно.

История 1

Моё счастье – результат пролитых слёз, настойчивости и надежды

Фернанда Феррера (Португалия)

«Папа, мама... я хочу сказать вам, что я гей». Я долго мучалась подозрениями. Поначалу мне было очень страшно и плохо, потому что мой сын Педро был серьёзно болен. У него была сильная депрессия, и он ни с кем не хотел общаться. Кроме того, его мучали панические атаки. Его психическое здоровье постоянно ухудшалось. Был ли он геем или был ли он болен – больше всего меня тревожило именно его психическое состояние. Мне было плохо ещё и потому, что я не знала, могу ли я помочь ему? Я сомневалась в своих силах, более того, я опасалась, что столкнусь с гомофобией и предрассудками в своём собственном доме.

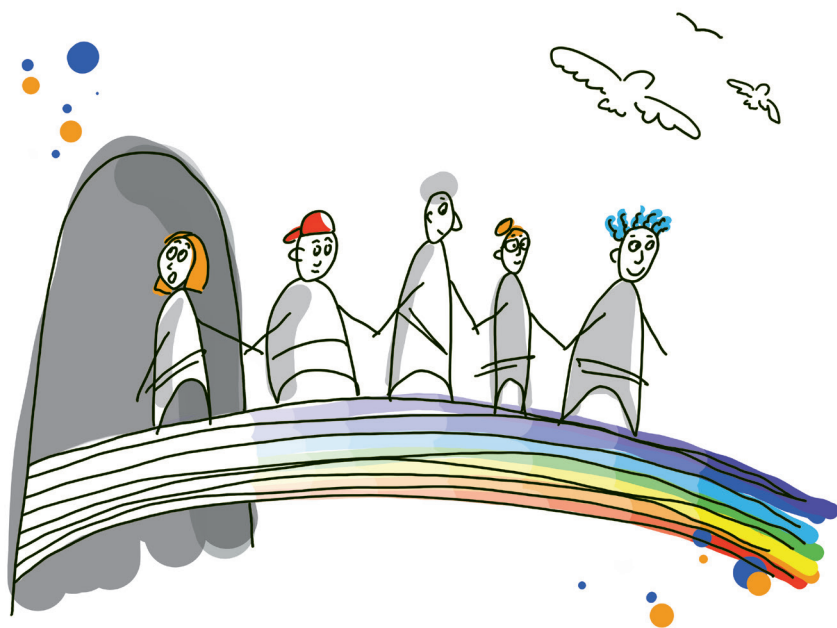
Несмотря на моё полное невежество в вопросах гомосексуальности, она совершенно меня не волновала. Зато отец Педро был безутешен. Я очень опасалась, как внешний мир будет относиться к ориентации Педро. Я боялась, как наша большая семья отнесётся к этому, боялась, что они начнут презирать или перестанут уважать Педро. Так что, одновременно занимаясь лечением Педро с помощью докторов и больничных процедур, я искала в интернете информацию о гомосексуальности. Именно в интернете я узнала, что гомофобия и предрассудки — очень распространённые явления. Это было таким шоком для меня... я была изумлена своими открытиями и очень встревожена тем, что, возможно, мне придётся скрывать истинную сущность моего сына и как-то жить дальше с этим семейным скелетом в шкафу. Существовать во лжи. Я чувствовала, что не справлюсь с этим.

Но потом я увидела свет в конце туннеля. В интернете я наткнулась на сайт AMPLOS – Ассоциации родителей за свободу сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Эта организация возникла всего год назад, и я сразу связалась с ними.

Теперь я чувствую себя намного спокойней. Моё счастье – результат пролитых слёз, настойчивости и надежды.

После годового перерыва Педро завершил обучение в университете, а потом закончил и магистратуру. AMPLOS очень важна для меня и моей семьи. Я поняла, что не стоит бояться свободно говорить с людьми на эту тему. Отец Педро тоже стал более просвещённым и у нас больше нет секретов в шкафу. То, что мой сын – гей, я считаю привилегией. Этот опыт поистине обогатил меня. Раньше я видела мир чёрно-белым, а теперь он стал цветным.

История 2

Мой сын освободил меня от оков чопорного, негибкого и ограниченного сознания

Аноним (Норвегия)

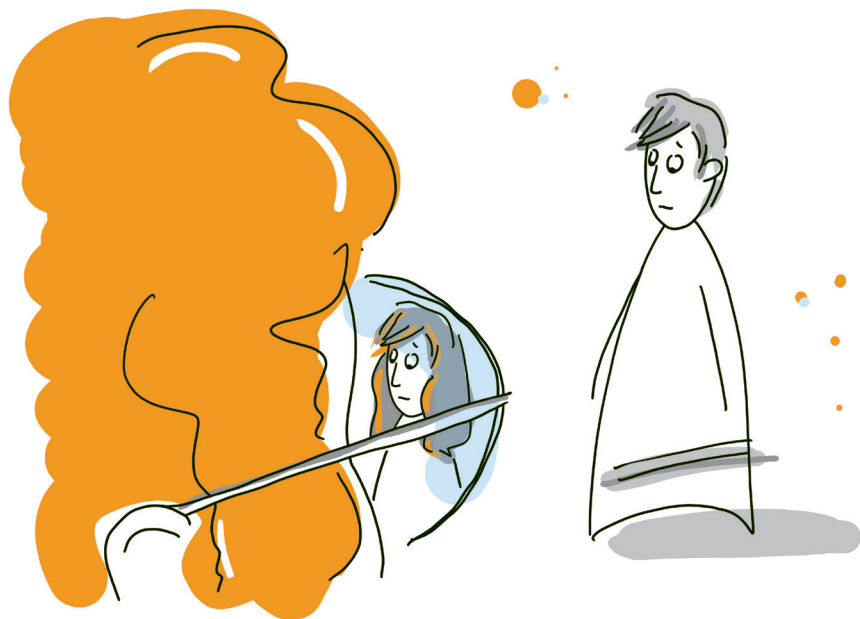
Я думала, что у меня дочь. Мой единственный ребёнок — белокурая, стройная, красивая и женственная. Гораздо более женственная, чем я. Такая модница, она обожала высокие каблукки. Но вышло всё иначе. «Мам, я парень. Я не девушка», — вот что я услышала от своего 18-летнего ребёнка. — «Я не могу больше жить как девушка. Внутри я - мужчина».

Я была раздавлена. Я не могла поверить. Я отказывалась это принять. «Но ты даже джинсы не носишь!» — спорила я. — «Ты всегда носишь каблукки и яркую женскую одежду! Как же ты можешь быть женщиной?»

И вот что я услышала в ответ: «Единственный способ существования для меня в женском облике — это быть женщиной в женской одежде». И тогда я поняла, что в этом есть смысл.

Это стало нашей реальностью. Незнакомой, пугающей реальностью. «Она» должна была стать «им» в моих мыслях и разговорах. Мне пришлось непросто. Я плакала, паниковала, проклинала всё на свете. Я не спала ночами, я была опустошена. Я оплакивала свою дочь. Я совершенно не понимала, что мне делать. Я чувствовала себя настоящей идиоткой: как я могла ничего не замечать?

Мало-помалу моя дочь стала моим сыном. Всё было для меня в новинку. К счастью, для него это уже было привычно. Он помог мне найти, с кем поговорить — с теми, кто знал, о чём идёт речь. Он посоветовал мне книги и сайты, которые помогли мне понять, что к чему. Я стала лучше разбираться в вопросе. Но я не перестала беспокоиться.

Я так за него боялась. Меня невероятно пугало его будущее. Статистика по самоубийствам среди молодых трансгендерных людей просто ужасала меня. Выживет ли он? Сможет ли он получить адекватную медицинскую помощь? А что насчёт любви? Как он найдёт свою любовь?

Я не знала ни одного трансгендерного человека, я не знала ни единого случая, чтобы люди, подобные ему, нашли свою любовь. А что с работой? Найдёт ли он когда-нибудь работу посреди всего этого невежества и предубеждений? Эти мысли мучили меня.

Шло время. Мой сын-подросток превратился в молодого человека. Даже во время диагностики, гормональной терапии и операций он смог продолжить обучение. Это заняло у него больше времени, чем обычно, но так или иначе он справился. Сначала я перестала бояться, что он не найдёт свою любовь. Я ошибалась: у него не было нехватки любви. У него было достаточно молодых людей, и, наконец, он был в постоянных, полных любви отношениях в течение нескольких лет. Постепенно мои страхи за его ментальное здоровье тоже исчезли.

После психотерапии, подтверждающей гендерную идентичность, он стал более спокойным и счастливым человеком. Он стал увереннее в себе и внёс большой вклад в улучшение положения людей с гендерным несоответствием в Норвегии. Сегодня он мужчина: гомосексуальный, великолепный, блистательный, любимый и уважаемый трансгендерный мужчина. Как странно, что когда-то я видела его девушкой! Он мужчина. С работой, кажется, тоже нет никаких сложностей. Я так спокойна и благодарна за то, как всё обернулось!

Чему меня научила эта история? Многому! Мне повезло, что жизнь преподнесла мне такой урок. Это был урок любви, урок гендера, урок сексуального разнообразия. Я вдруг поняла, что есть такие социальные темы, которые важно затрагивать. Теперь у меня есть цель. Но прежде всего я стала более гибкой и адаптивной. Мой сын освободил меня от оков чопорного, не гибкого и ограниченного мышления. Спасибо!

История 3

У меня было единственное преимущество

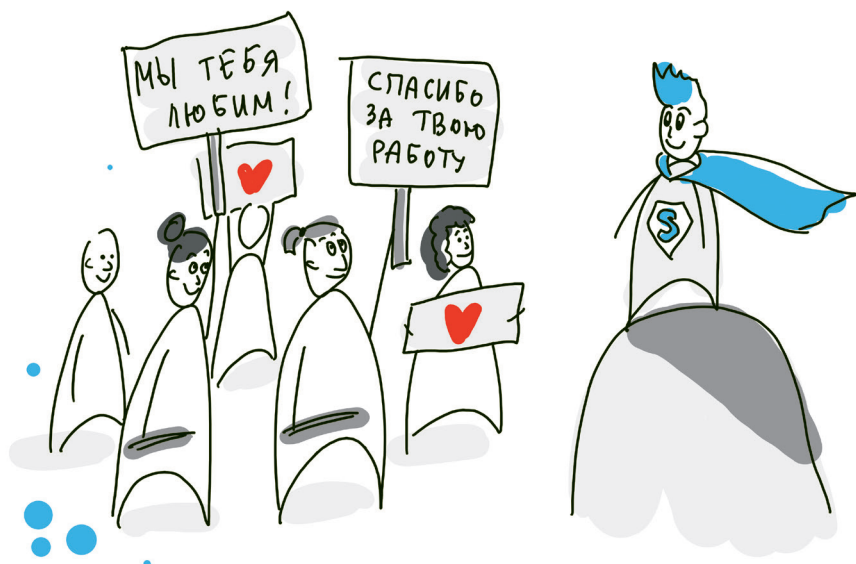
Агнес Гиемант (Венгрия)

Хотя я всегда знала, что мой ребёнок заметно отличается от других девочек, я отгоняла мысль о том, что она, наверное, не была гетеросексуальной. Она не любила играть в игрушки для девочек и обожала мальчишеские игры. Она не любила носить платья, с раннего детства выбирала максимально нейтральную одежду. Однажды я заговорила с ней на эту тему. Мы договорились подождать, чтобы она могла определиться, и чтобы у меня тоже было время привыкнуть. Я считала себя виноватой в том, что она не принимала себя – но, на самом деле, это я не хотела принять тот факт, что её влечёт к женщинам.

Когда она сказала мне, что у неё есть девушка, первой моей мыслью было: что я сделала неправильно? Я винила в этом себя. Я думала это из-за меня. Я была очень разочарована. У меня были совсем другие ожидания в отношении как моей, так и её жизни. Никто ведь не учит нас, что мы не должны планировать жизнь наших детей за них. Никто не учит нас, что делать, если ваш ребёнок не соответствует ожиданиям общества. У меня было единственное преимущество, которого не было у других родителей. Из-за инвалидности я тоже была не такой, как другие, и сталкивалась с дискриминацией. Я должна была бороться за видимость и признание. Теперь я поняла, как было больно моей матери, и почему она так настаивала, чтобы я училась как можно больше. Теперь я тоже стала бояться, что окружающие причинят моей дочери вред или будут смеяться над ней. Я боялась, что она окажется в изоляции, будет несчастна, потому что у неё не будет друзей или она не встретит любимого человека. Мне было страшно, что у неё не будет детей, что люди будут жалеть или презирать меня, потому что я не смогла вырастить «нормального» ребёнка.

К счастью, ни один из моих страхов не оправдался. Моя дочь — прекрасный, любящий человек. Она очаровывает всех своим добрым и заботливым отношением.

Она очень умна и, кроме того, прекрасный организатор. Неудивительно, что ЛГБТ*-сообщества очень рассчитывают на неё и её идеи. У неё доброе сердце, она всегда готова прийти на помощь, она щедра и отважна. Она очаровывает всех вокруг и окружена людьми, которые хотят быть рядом с ней. Недавно они со своей партнёркой поженились, у них есть ребёнок. Те обстоятельства, которые мы сначала считаем помехой, на деле оказываются совершенно не важны. Сложности, с которыми она сталкивалась, сделали её только сильнее. Думаю, они повлияли и на меня. Я стараюсь быть достойной моей дочери — и я очень горжусь ею.

История 4

Нам нужно узнавать наших гомосексуальных детей, слушать их и любить так же, как мы любим других детей

Пепе и Пури (Испания)

Мы Пепе и Пури. Мы женаты уже 49 лет. Мы живём в Севилье в Испании. Мы являемся членами Ichthys-CVX Familia, христианской группы родителей и родственников ЛГБТ*-людей. У нас трое детей, старший из которых Хосе Энрике — гей. Вот история его каминг-аута.

История Пепе

Жена рассказала мне, что наш сын открылся ей. Она сказала сыну, что её любовь и прочие чувства к нему останутся такими же, как и в отношении других наших детей. Моя жена также сказала мне, что сын хочет открыться и мне через какое-то время. Шли дни, но сын мне так ничего и не говорил. Я понимал, что он был грустным и обеспокоенным, возможно, он не мог найти нужный момент, чтобы всё мне рассказать. Тогда я подумал: так дальше продолжаться не может, уж слишком сыну это тяжело даётся. Я пошёл в его комнату (тогда он жил с нами) и сказал: «Мама сказала мне, что ты гомосексуален, и я думаю точно так же, как она. Моя любовь, привязанность и все прочие чувства по отношению к тебе не изменились. Мы любим тебя так же, как и других наших детей. Мы знаем, что это не ты решил быть геем, Бог создал тебя таким, и это нельзя изменить, ведь это в твоих генах.» Мой сын с благодарностью посмотрел на меня и сказал: «Спасибо, папа», — и мы обнялись.

Я считаю, что мы счастливая семья. Мы относимся ко всем трем детям одинаково, вне зависимости от их сексуальной ориентации. Мы принимаем вещи такими, какие они есть. Я лишь боялся, что некоторые люди не смогут принимать гомосексуала как сына Божия и будут обижать его. Нельзя судить людей по их сексуальной ориентации. Доброта и поведение в обществе — вот что важно. Он прекрасный, очень добрый человек, истинный христианин. Я горжусь им точно так же, как другими своими детьми.

История Пури

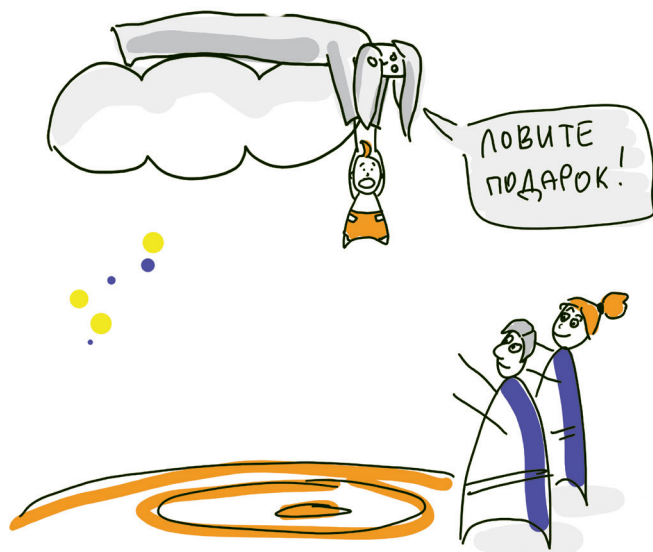
Когда мой сын открылся мне, я пожалела, что он не сделал этого раньше. Мне очень жаль, что он страдал долгие годы и не мог поделиться этим с нами. Я очень сильно люблю его и двух других моих детей, и это никогда не поменяется.

Мой сын — дитя Господа, как и все мы. Он ничем не болен. Его сексуальная ориентация была дана ему Богом, и Бог сделал его прекрасным человеком.

Нам нужно узнавать наших гомосексуальных детей, слушать их и любить их так же, как мы любим других наших детей. У моего сына есть такие качества, которых не хватает нам, как гетеросексуальным людям. Он настоящий христианин, верующий человек, он хочет быть частью церкви, хотя некоторые люди в церкви и отвергают таких, как он. Он настоящий миротворец, и я им очень горжусь. Мне очень нравится проводить с ним отпуск, собираться на обед всей семьёй. Он рассказал обо всём братьям и сёстрам, и они всё так же любят его и делятся с ним самым сокровенным. Я бы ни на кого не променяла своего сына-гея. Он — подарок Господа.

Я боюсь только, что в пастве и вообще в обществе есть люди, которые могут обидеть его из-за его сексуальной ориентации.

История 5

На самом деле, моя дочь — мальчик!

Мария Аугуста Сантош (Португалия)

Я родила, когда мне было 35 лет. Красивый, спокойный и очень желанный ребёнок. Дочка сначала стала милейшим карапузом, а потом чрезвычайно умным подростком. Я чувствовала себя реализованной как мать и как человек. Подростковый период не был идеальным, но, в общем и целом, картинка была близка к идеальной, пока...

Мне позвонили из школы и сообщили, что моя дочь уже неделю не посещает занятия, хотя я видела, как она садится в школьный автобус, как обычно. Я немедленно поехала с работы домой и нашла её там, в кровати. Оказалось, что, как только я уходила на работу, она возвращалась домой.

Я чувствовала её дискомфорт, но ни одна из нас не смогла подобрать слова, чтобы поговорить об этом. Мы по-прежнему подолгу разговаривали, она была привязана ко мне как никогда, но что-то между нами изменилось. Мы решили, что ей стоит пойти к детскому психологу. В это же время она стала отказываться от платьев, решила сделать короткую стрижку и не выказывала никакого интереса к депиляции или косметике в отличие от других девочек ее возраста.

Как-то вечером она наконец-то рассказала, что её так долго тревожило: она чувствовала себя мальчиком. Инстинктивно я понимала, что самое главное, что я должна сделать — дать ей понять, что моя любовь к ней не изменится кем бы она ни была, а ещё — что мне надо понять, что значит «быть трансгендером». К тому же, мне нужно было время, чтобы осознать глубину этого признания. Я пыталась сопоставить свою первую реакцию и желание защитить её с неким здравым смыслом: я взрослый человек и должна была убедиться, что это всё не шутка и не результат психического или психиатрического заболевания, прежде чем решиться на необратимые изменения. Спустя 2 года диагноз был подтверждён.

Мой сын приступил к гормонозаместительной терапии и вскоре начал хирургическую часть перехода.

Я солгу, если скажу, что никогда не скучаю по моей малышке. И я очень волнуюсь из-за трансфобных нападок, из-за возможных сложностей на работе и в личной жизни, в поиске любящего и уважающего партнёра.

Но он остался тем же потрясающим и очень одарённым человеком, которого я родила 24 года назад, и каждый день я восхищаюсь его смелостью, остроумием и невероятными достижениями. Я верю в него и в глубине души знаю, что он получит всё то счастье, которого заслуживает. Надеюсь, я смогу быть рядом, когда это произойдёт.

История 6

Несмотря ни на что

Анна Ригни (Ирландия)

Меня зовут Анна. У меня двое детей, сын и дочь. Я живу в сельской части Ирландии, в округе Роскоммон.

Когда моему сыну Дарагу было шестнадцать лет, он рассказал мне, что он гей. Мы гуляли по лесу, и он сообщил, что хочет мне что-то рассказать.

Он выглядел очень встревоженным после того, как поделился. Я не ожидала такого и начала плакать. Он спросил меня, почему я плачу, и я сказала, что расстроилась, потому что у меня не будет внуков. До этого момента я не думала о внуках. Я обняла его и сказала, что люблю его несмотря ни на что.

Это было в 1998 году, и в тот момент я не была знакома ни с одним геем.

Тогда было много разговоров о геях, которые умирают от СПИДа. Я беспокоилась о сыне. Я знала, что его жизнь будет непростой. Я решила изучить ЛГБТ*-сообщества и познакомилась со службой поддержки для родителей ЛГБТ*-детей. Я долго разговаривала с одним прекрасным человеком, который развеял многие мои страхи и опасения как матери. Больше всего я переживала, что мой сын может быть избит или использован старшими мужчинами. И в таком же плане я волновалась и за свою дочь.

В то время в Дублине была группа поддержки для 16-18-летних ЛГБТ*-подростков, а также проводились образовательные семинары для молодёжи о здоровье и безопасности. Мой сын вступил в эту группу. К сожалению, в то время в сельской части Ирландии не было местной поддержки для ЛГБТ*-сообществ.

Мой сын уехал в Дублин, где провёл замечательные годы, обрёл верных друзей и активно участвовал в дублинском Прайде каждый год. Сейчас 2018 год, Дараг живёт в Германии со своим мужем Лиором, и у них прекрасная 2-летняя дочь Эмма, которая принесла так много радости в нашу семью! С сыном-геем во мне пробудился боевой дух, который дремал. Я проявила большую активность во время референдума о равноправии браков в Ирландии в 2015 году. Вместе с дочерью Сарой мы опрашивали людей в Роскоммоне. У нас была убедительная победа вместе с ирландцами, которые борются за равноправие для ЛГБТ*-сообществ и за возможность для людей из этих сообществ жениться на тех, кого они любят.

День, когда я стала свидетельницей на свадьбе моего сына Дарага и его любимого Лиора в Роскоммоне, стал одним из счастливейших дней моей жизни.

История 7

Этот опыт изменил нас

Коррадо и Микела (Италия)

«Говорить доверительно, из уст в уста — путь, который позволил нам понять, что мы не одни». Когда думаешь, что нашёл все правильные ответы в жизни, она часто меняет вопросы. Так нам часто напоминает наша подруга Мара.

«Что ты делаешь для меня и таких, как я, ты, кто делает так много для женатых и помолвленных пар в своём приходе? Что ты делаешь для тех, кто изгнан родителями и Церковью?» - такой вопрос нам задал наш сын Симоне четыре года назад. Симоне понял, что он гей за 15 лет до этого. Этот вопрос перевернул спокойную жизнь родителей троих детей и бабушки с дедушкой пятерых внуков.

Этот вопрос пронзил наше сердце: он был прав! С этого момента все изменилось. Мы задали себе тот же вопрос и поняли, что было недостаточно принять особенность нашего сына много лет назад. Сейчас мы должны были открыться другим родителям и чужим сыновьям и дочерям.

Чтобы сделать это, было достаточно показать себя на публике. Это позволило другим парам сблизиться с нами и поделиться своим опытом – как это быть родителями гомосексуальных сыновей и дочерей. В нашем опыте были личные встречи, приглашения на ужин, доверительные разговоры — путь, который позволил нам обнаружить, что мы не одни. На самом деле, одиночество и ощущение неудачи закрывали в «шкафу» и родителей. В «шкафу», из которого очень сложно выйти.

Группа «Давид» была создана в Парме. Она состоит из семи женатых пар и из гомосексуальных парней, двое из которых, между прочим, жили в гражданском союзе (итальянский аналог гомосексуального брака).

Мы начали встречаться каждый месяц, чтобы поделиться жизненным

опытом, тревогами и переживаниями, но также радостями и открытиями, расценивая опыт каждого как ценный подарок. Мы впервые почувствовали радость быть услышанными, радость получать приветствия, радость от того, что мы больше не одни.

Размышляя и изучая Слово Божье, мы поняли, что Небесный Отец любит наших сыновей и дочерей такими, какие они есть. Он задумал для нас наш собственный путь любви: открывая для себя счастье быть любимыми, узнать себя и научиться любить. Это действительно другая любовь, другие любовные отношения, но не менее сильные, настоящие, освобождающие и стоящие того, чтобы их чувствовать.

Это, конечно, успокоило наши чувства родителей, обеспокоенных о счастье своих детей, но также обеспокоенных о том, что они могут потерять веру (что, к сожалению, случается), почувствовав себя отвергнутыми христианским сообществом.

На самом деле, сначала у нас было твёрдое намерение суметь держать наших детей одной рукой и церковь другой, разрываясь в попытке не

потерять и не оставить ни тех, ни других. Иногда в этих попытках мы чувствовали себя как будто на кресте, растягиваемые в разные стороны, но мы знаем, что мы были такие не одни. На нашем пути мы встречали группы ЛГБТ*-людей, парней и девушек в разных итальянских городах, которые сохраняют веру, и каждый раз мы были поражены силой их веры и интенсивностью их молитв. Это то, что мы могли потрогать, услышать и увидеть в их жизнях.

Через это Провидение показало нам, как приветствовать и поддерживать родителей в трудную минуту, создавая сеть, в которой дружба становится ощутимой через близкие связи из одного конца Италии в другой.

Этот опыт изменил нас. Мы переживаем новую, более глубокую форму родительства: принимая особенность своего сына, мы дали ему возможность родиться во второй раз. А приветствовать, поддерживать, воодушевлять других родителей и чужих сыновей и дочерей - дало нам возможность стать родителями в третий раз.

Это также позволило нам приблизиться на пути веры к подлинному и более глубокому пониманию Бога, его Слова, осознанию и следованию его воле.

Этот опыт также открыл наши сердца, позволил нам увидеть красоту разнообразия и поддерживать тех, кто из-за этого разнообразия был высмеян и отвергнут. Вот почему мы часто благодарим Господа и чувствуем себя благословенными родителями!

История 8

Двойной каминг-аут

Эва Туза (Венгрия)

Двойной каминг-аут. Мы должны были пройти каминг-аут дважды. В первый раз, когда наша дочь сказала, что её привлекают девушки. И во второй раз — год спустя, когда она сказала, что глубже разобралась в своих чувствах и уверена, что она транс-человек.

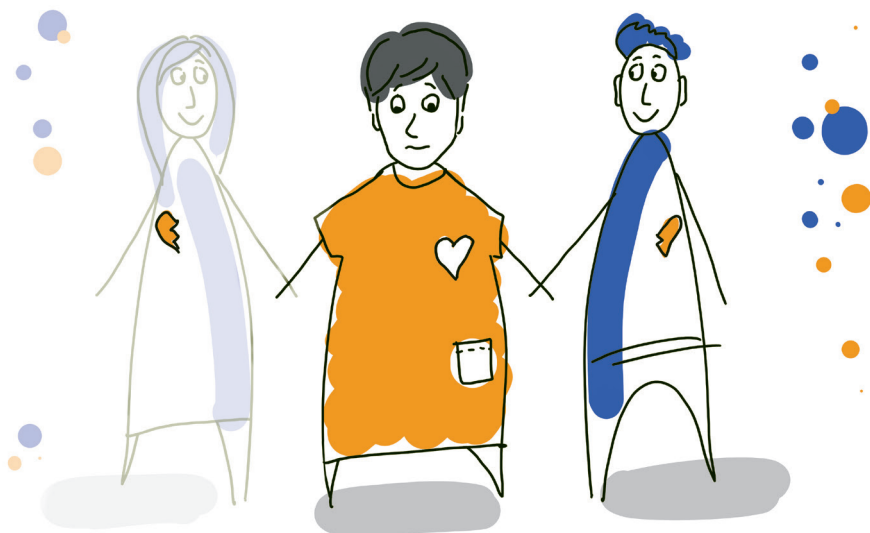
Я была шокирована оба раза. Я не понимала, что происходит. Мой мир рушился, и у меня в голове крутились мысли: как это произошло? К ней приставали? Она поэтому так себя чувствует? Почему я не заметила раньше? Что-то произошло, когда я была беременна?

После второго каминг-аута я поняла, что как бы сильно первый каминг-аут ни «раздавил» меня, когда моя дочь сказала, что ей нравятся девушки, я была бы счастлива, если бы на этом все и закончилось. Гораздо тяжелее, чем первый каминг-аут, мне было принимать её как мужчину, называть их (как мужчина, дочь стала использовать для себя местоимение «они») другим именем и наблюдать их трансформацию.

Прежде всего я боялась, что им будет больно. Я боялась, что они будут в изоляции и их не будут любить. Я думала, что их жизнь будет тяжёлой. Потом пришли другие страхи: что, если она запуталась в своих чувствах? Что будет потом, если она осознает, что не является транс-человеком, но не сможет вернуться в прежнее состояние? После операции она никогда не будет прежней. Что случится, если будут осложнения во время операции? Как её тело будет реагировать на гормоны?

Сейчас я спокойнее, но мои чувства все ещё неоднозначны. Что-то слабее, что-то сильнее. На прошлой неделе, когда мы получили одобрение на смену имени и гендера, наше счастье затмило наши страхи. Сделали ли они правильный выбор? Сейчас уже слишком поздно возвращаться назад. Теперь это навсегда.

Другое чувство, которое овладевает мной и которое до сих пор удивляет меня: боже мой, я навсегда потеряла свою дочь. Конечно, я знаю, что она трансгендерный мальчик, и той девочки, которую я родила, больше нет. Где она? Моя дочь умерла, и обратного пути нет. Я не делилась с ними этими мыслями, потому что их это бы ранило. Как мать я ношу эти чувства в себе. У меня сын. Я так сильно их люблю! Я отдала бы жизнь за них. Но где моя дочь? Она нужна мне. Или я должна оплакивать её потерю? Где я могу похоронить её? Она живёт в моём сердце, и я не могу её убить. Но я чувствую себя ужасной матерью, потому что мой сын наконец счастлив, а я всё ещё страдаю.

История 9

Я не могла понять, как такое могло произойти

Мама Симона (Литва)

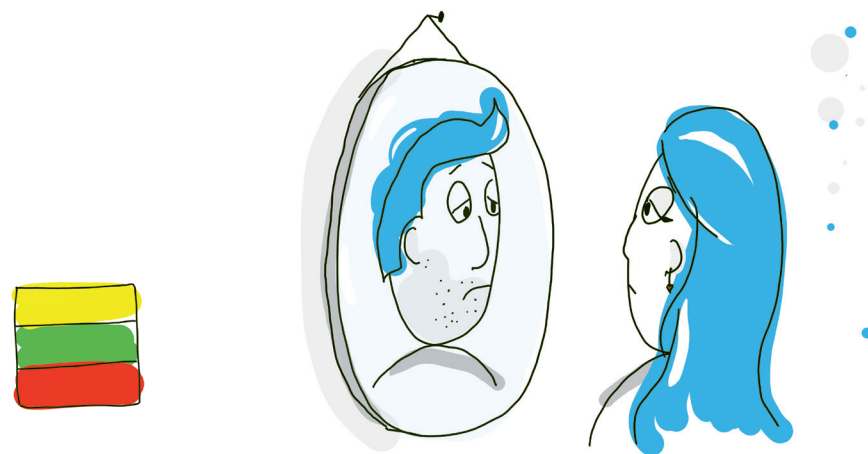
Я мама двух взрослых детей, 24-летнего сына и трансгендерной дочери, которой сейчас двадцать шесть. Всего лишь пять лет назад я была уверена, что у меня растут двое сыновей. Когда старший ребенок сообщил мне, что он транс-женщина, я не слишком понимала, что это означает. В то время я видела лишь пару шоу по телевизору, в которых показывали людей, которые хотели выглядеть подобно противоположному полу, и я не понимала, насколько всё это может быть серьезным.

Когда я растила моих детей, у меня не было ни малейших догадок о моем старшем сыне: ни интереса к игрушкам для девочек, ни желания носить юбки и платья, поэтому новость была для меня шокирующей. Я не понимала, как такое могло произойти в нашей семье, которая на первый взгляд ничем не отличалась от прочих обычных семей. Мои дети росли здоровыми, получали хорошие оценки в школе и учились в университетах. Услышав эту новость, я будто потеряла все силы, постоянно плакала и даже обнаружила у себя непродолжительную депрессию. Мне хотелось поговорить с кем-то, кто был в схожей ситуации, но я никого такого не знала, и это делало тот период моей жизни по настоящему сложным для проживания.

И я, и отец отреагировали и продолжали реагировать негативно, что заставило нашего ребенка попытаться жить как «нормальный парень» — найти девушку, попытаться забыть о своем истинном самоощущении. Попытка была неудачной, и два года спустя моя дочь приняла окончательное решение о переходе. На этот раз это не ощущалось так болезненно: я знала, что рано или поздно это произойдет.

После многократного переосмысления прошлого я начала вспоминать, как я видела свою дочь в ванной, тянущей себя за щеки с пробивающейся

щетиной; как трудно ей было адаптироваться в школе и как ей пришлось сменить несколько; как она всегда была увлечена духовными и религиозными практиками.

С подачи моей дочери я начала интересоваться явлениями гомосексуальности и трансгендерности. Я начала посещать группу взаимопомощи ЛГБТ*-родителям. Увидев там других мам и услышав их рекомендации, я наконец-то поняла, что не одна в Литве, и вокруг меня есть люди, которые поймут и разделят со мной мои мысли и чувства. Это позволило мне почувствовать себя лучше. Благодаря этой группе я смогла поучаствовать в международной встрече родителей ЛГБТ*-детей на Мальте. Встреча с родителями из разных европейских стран, которые делились многолетним опытом, значительно расширила мое понимание.

Я осознала, что должна не только любить и принимать мою дочь такой, какая она есть, но и уважать её идентичность и показывать мою поддержку в ее ежедневных сложностях, с которыми она сталкивалась. Должна признаться, что принятие всех изменений, настроений и некомфортных ситуаций всё ещё является для меня вызовом и требует множества усилий.

Тот факт, что в Литве не хватает признания ЛГБТ*, делает нашу жизнь только сложнее: отсутствие медицинской помощи для трансгендерных людей, недоступность операций по смене пола, а также отсутствие гражданских партнёрств и однополых браков.

История 10

Трудно изменить прежние мысли

Джонни (Ирландия)

Как я отреагировал, когда мой сын рассказал мне и моей жене, что он гей? Наверное, проще будет сопоставить реакцию с моими прошлыми догадками о том, что этот молодой человек может быть геем. Год или два назад он случайно оставил открытой вкладку с гей-сайтом на нашем компьютере, и я отчетливо помню, как этот случай вызвал у меня панику! Мой сын всегда был частью мира мачо, играл в хёрлинг — гэльский футбол, что я всегда поощрял, так как сам занимался этим спортом. У него был постоянно растущий круг друзей-спортсменов, и на встречах он всегда был в центре внимания.

Почему же гей-сайт заставил меня встревожиться? Возможно, потому

что я боялся трудности быть отцом ребёнка-гея? В конце концов, мой собственный круг друзей всегда состоял из увлекающихся спортом, гетеросексуальных людей с не такими уж и либеральными взглядами. Боялся ли я, как к моему сыну отнесётся общество? Будет ли он в безопасности? Конечно, была вероятность, что я неправильно понял ситуацию. Уверен, что многие молодые люди случайно просматривают сайты для геев, поэтому я придерживался мнения, что мой сын геем не был.

Я всегда позиционировал себя либерально настроенным человеком и всегда продвигал права маргинализированных групп, вовлекаясь в различные проекты, которые привлекают внимание к проблемам мигранток и мигрантов, в программах помощи странам третьего мира и даже был участником студенческого бунта в юности. В прошлом году в ходе дискуссии с друзьями у нас возник вопрос: «Было ли бы вам комфортно находиться в гей баре?», и я, конечно же, выдал: «И почему это вообще должно быть проблемой?» Всё звучит куда проще, когда ты сражаешься за права посторонних людей. Это проще.

Это комфортнее. Ощущается спокойно. Но можем ли мы в таком случае действительно сопереживать? Насколько сильным и преданным ты можешь быть, когда подобные обстоятельства постучатся в твою дверь?

«Подтверждение» моей теории не заставило себя долго ждать. Мой сын и его старший брат, у которого уже была девушка, были дома на выходных. Царила привычная атмосфера шуток и подколов. Оглядываясь назад, я вспоминал некоторую возбужденность в поведении своего старшего сына. Я думаю, он получал удовольствие от всеобщего веселья. Мой сын-гей выбрал момент и произнес: «Мама и папа, мне нужно вам кое-что сказать. Я гей». Я всегда буду благодарен за нашу первую реакцию. Это было очень трогательно, мы все обнимались и плакали. Мы с женой сказали сыну, как мы благодарны за то, что он поделился с нами, сказали, что мы любим его и надеемся, что он будет счастлив и в безопасности. Я посмотрел в глаза жены и заметил, что никогда не видел в них столько любви, гордости и признательности. Я почувствовал, что в глубине души она уже знала об этом, и это подтверждение стало для нее облегчением. Этим великим даром чувствовать обладают все женщины и матери.

Мне потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к новым обстоятельствам. Я бы очень хотел, чтобы для меня не было проблемой прокричать с крыши: «Мой сын — гей, и я горжусь им!» Но мне потребовалось время на это. В нашем доме была атмосфера принятия, но я не был готов рассказывать об этом родственникам, друзьям, бабушкам и дедушкам. Внутри себя я пытался преодолеть то обстоятельство, что теперь мне придется говорить по-другому. Настоящим помощником и советчиком оказалась для меня моя жена. И меня бы сильно поддержала возможность разговаривать с людьми, которые проходят через подобный же опыт.

Я хотел, чтобы мой сын считал, что я без проблем стал спокойным и открытым к этим новостям. По части «спокойствия» было проще, а вот открытость оставалась для меня вызовом. Как же, наверное, это было сложно для него самого.

Невежество может привести к несправедливости, дискриминации и страданиям. Получение информации является фундаментальной основой для многих сфер жизни.

Я всё ещё обучаюсь новому, и я бы хотел быть вместе с теми, кто тоже проходит через этот процесс. Как гласит старинная ирландская поговорка: «трудно изменить прежние мысли». Для меня это так. Но необходимо оставаться открытым к новым реалиям, и для меня важно быть благодарным обстоятельствам вокруг нас, которые дают силу, а также мудрости и великодушию моих собственных родителей.

История 11

Любящая семья под давлением внешних обстоятельств

Пьера (Италия)

Меня зовут Пьера, я волонтерка в ADEGO (Ассоциации родителей и друзей ЛГБТ*-людей в Италии). Моя история лишена драматизма: когда оба моих ребёнка совершили каминг-аут, вся наша семья их очень поддержала. Однако это равновесие нарушается внешними обстоятельствами, в которых живут ЛГБТ*-люди, сталкиваясь с предрассудками в свой адрес.

В этот исторический момент я не могу спокойно смотреть на нетерпимость и ненависть по отношению к «другим». Католическая церковь также ответственна за это из-за своего негативного отношения, которое просачивается через её инициативы вроде запрета гомосексуальным людям становиться священнослужителями или заявлений о том, что они не могут быть допущены в лоно церкви

Принятие и инклюзивность выгодны всем — ничего не нужно ни у кого отнимать! Надеюсь, что скоро наши дети влюбятся, ведь мы уже устали ждать, а жизнь коротка, и у каждого есть право прожить её по полной.

История 12

Всё не так, как кажется

Биргюль (Турция)

Я занимаюсь рисованием 35 лет. Когда я только начинала рисовать, самым важным для меня было отобразить на холсте то, что я вижу, максимально реалистично - чтобы убедить зрителя в этой реальности.

Я готовлю палитру, чтобы нарисовать дерево передо мной. Сначала я выдавливаю все краски, а потом я все их смешиваю. Я вижу, что дерево зелёное, поэтому я кладу много зеленого. Продолжая рисовать, я осознаю, что дерево на самом деле содержит не так уж и много зелёного. Там есть коричневый цвет, жёлтый, фиолетовый, синий, белый. Но я использую так мало зелёного, что возможно результат не будет казаться реальным. «Должно быть, я ошибаюсь», — думаю я, и всё же каждый, кто видит картину, говорит мне, как прекрасно дерево. Чтобы было понятнее, я беру красное яблоко и кладу его на стол, а потом рисую его. Глядя на палитру, лежащую передо мной, я вижу, что наименее используемый цвет — красный. На картине есть жёлтый, зелёный и фиолетовый. Яблоко действительно фиолетовое — его нижняя часть выглядит фиолетовой. И красный — это наименее используемый цвет.

За 35 лет, что я занимаюсь живописью, я узнала одну вещь: наши чувства обманывают нас. Я начала понимать, что ничто не является тем, чем кажется. Всё вокруг не так, как кажется.

Прошли годы, а я всё ещё рисую. У меня есть 15-летний мальчик. Наша жизнь действительно прекрасна, и мы правда счастливы... Я доверяю своему ребёнку, я родила самого красивого ребёнка в мире, самого прекрасного. У него формируется свой собственный характер. Каждый день я замечаю в нем новую сторону, о которой не подозревала вчера. Мой ребенок чудесный и внутренне, и внешне.

Однажды утром я просыпаюсь со странным чувством: мой ребенок

обманывает меня. Я не могу заставить себя принять это. Я думаю, что мы так близки, что он не смог бы мне солгать. Я предлагаю ему так много вариантов, что нет ни одной ситуации, в которой ему нужно было бы солгать. Я ловлю его на вранье раз за разом. Я бегло просматриваю его компьютер, мне стыдно, но я продолжаю. Там я натываюсь на письмо, написанное для кого-то по имени «Каан», это любовное письмо. Он хорош в литературе: я думаю, что какая-нибудь девочка влюбилась в Каана и попросила моего сына написать письмо от её имени. Ложь продолжается.

В другой раз я просыпаюсь с чувством «Ладно, хватит врать», забираю сына после школы, и мы идём в кафе. Хочется сказать ему: «Я единственный человек, которому ты можешь доверять в этом мире, я люблю тебя так сильно, как же сильно я люблю тебя... Но тут что-то не так. Ты обманываешь меня, и я хочу, чтобы ты объяснил». Наконец, задаю вопрос:

- Сын, кто такой Каан?

По очереди заказываем пиццу. Эта пицца — самая важная пицца в моей жизни. Нам приносят её, я беру себе кусок.

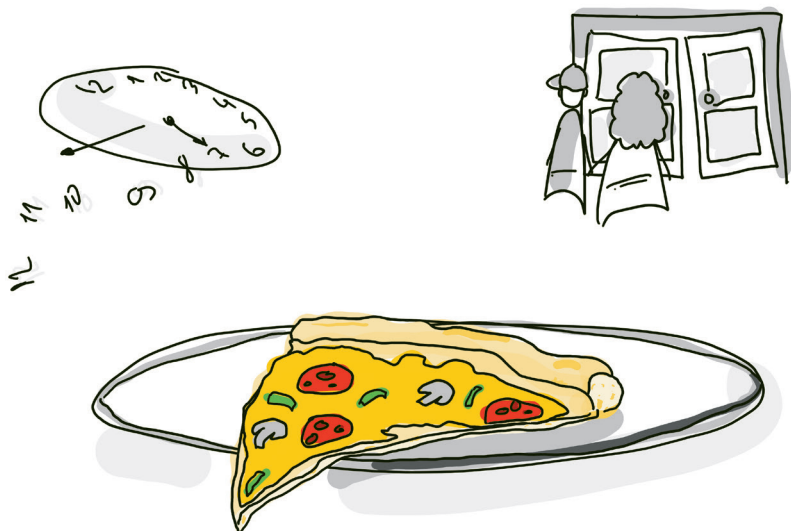
— Хорошо, мама, я должен сказать тебе. Каан — мой парень, — говорит он.

— Как же так? Извини, я не понимаю, — отвечаю я.

Кусочек пиццы всё ещё был у меня во рту. «Мам, я - гей», — говорит он. Я была потрясена. Я сказала себе: «Успокойся, не реагируй, просто успокойся». Я задала ему несколько вопросов, например, как давно он это понял. Потом я сказала ему, что он не должен так себя называть и что у нас недостаточно информации по этой теме. Если мы пойдём к специалисту, возможно, он сможет прояснить ситуацию. Сын согласился.

Мы расплатились и вышли из ресторана. Только в 23:30 я смогла доесть тот кусок пиццы, который начала в 7 вечера в кафе. Все спали, но я в ту ночь не могла уснуть. На следующее утро я нашла одного из лучших психиатров в Измире и записалась к нему. Сначала я пошла одна. Всё это

время я не разговаривала с сыном на эту тему. Но весь мой мир рушился. Мечты, в которых я видела будущее сына, стали ничем, и это ощущалось так, как если бы мой мальчик умер. Вот что я чувствовала. Внутри меня горел огонь. Психиатр приблизительно объяснил мне, что это такое, но я не получила того, что хотела, так как я хотела изменить своего ребенка, сделать его таким же гетеросексуальным, как другие нормальные дети — как большинство. То, что сказал психиатр, меня не удовлетворило. Тогда я нашла психолога, это был молодой парень, и я пошла к нему со своим мальчиком, с порога рассказав о ситуации. Первое, что он мне сказал, было: «Если вы хотите изменить своего ребенка, пожалуйста, не приходите сюда больше. Приходите только тогда, когда вы захотите, чтобы ваш ребенок был таким, какой он есть». Он деликатно объяснил мне все термины. Я настаивала: «Моему мальчику 15 лет, и у него раньше не было сексуального опыта, как он может говорить, что у него есть интерес к своему собственному полу, когда у него не было сексуального опыта?» Психолог ответил: «Наши убеждения и чувства — это то, что имеет для нас значение». Я снова убедилась в том, что и так знала: наши ощущения обманывают нас, чувства — это то, что имеет значение. Это был тот самый день, когда я начала привыкать к реальности. С тех пор, как я научилась

этому, прошло уже 2 года. Поначалу я много плакала. В первый год я могла внезапно сказать своим друзьям и даже незнакомым людям: «Привет, Айша, ты знаешь, что мой сын гей?», просто чтобы сдержать слёзы. После того, как я произнесла это бесчисленное количество раз, я научилась говорить это без слез.

Теперь с каждым днём я узнаю новые прекрасные особенности моего сына. Каждый день... Он так многому меня научил... Я читаю книги часами — не только книги о сексуальности, но и книги о жизни. Обо всём этом это я узнала благодаря сыну. Я так многим ему обязана.

Из книги «Gökkuşağından Hikayeler»,
сборник рассказов семей LISTAG в Турции,
октябрь 2018 г.

История 13

Боже, как мой ребёнок будет жить в этом гомофобном обществе?

Мама Вайда (Литва)

У меня замечательный ребёнок — мыслящий, творческий, образованный, сообразительный. Я очень горжусь им. Сейчас мы с ним очень близки. Несколько лет назад я узнала, что он гомосексуален. Это не стало неожиданностью. Глядя, как он растёт, развивается, взрослеет, я догадывалась, что он гей. Сложнее всего мне было думать: «Боже, как мой ребёнок будет жить в этом гомофобном обществе? Его могут оскорбить, избить, покалечить и даже убить». Я читала в газетах о таких случаях. Я очень боялась за его безопасность. А вторая волна страха настигла меня, когда я задумалась о том, что же подумают мои близкие друзья или коллеги, когда узнают об этом. Я понимала, что мнение других людей не должно меня волновать, но не могла перестать думать об этом. Я жила с этой тревогой. Многие люди всё ещё не знают, и я не говорю им. Рассказываю только тем, кому доверяю.

Я размышляла, как изменилась моя жизнь после этого каминг-аута? Никак. Всё так же, как и раньше. Тот же ребенок, те же дни, те же минуты... Но теперь меня интересуют многие новые вопросы, я принимаю участие в различных мероприятиях, я стала более деятельной. Может, я просто не хочу отставать от молодёжи? Я прошу моего ребенка: «Если услышишь, что я говорю ерунду, останови меня!»

Он мне не сам рассказал, это я спросила. Он сказал: «Да. Ты правильно думаешь». Некоторые мамы много плачут, но я не плакала. До каминг-аута он был очень замкнутым. Я подозревала его в том, что он принимает наркотики.

Мне стало гораздо легче, когда я поняла, что это не так. У меня нет чувства вины. Другие мамы говорят, что чувствуют вину, но я нет. Молодых людей из его окружения его ориентация не удивляет, они вместе работают, занимаются творчеством, вместе живут. Но у многих из

старшего поколения в голове сохраняются установки из Советского Союза. Их воспитывали с понятием «нормы», и никто не рассматривал людей как уникальных личностей. Если ты «отклонялся от нормы», то мог закончить в психиатрической больнице или быть выброшенным из жизни общества.

Я была бы рада, если бы мой сын рассказал мне раньше. Я могу только представить, через что ему пришлось пройти. Он ждал поддержки от самых близких ему людей, но не получал её, потому что не говорил. Когда мы узнали, ничего, в сущности, не изменилось, мы только перестали общаться с гомофобными людьми. Ни у кого нет права судить и порицать. Позвольте людям просто жить свои собственные жизни! Мне сложно принять тех, кто осуждает. У меня другие ценности. Если теперь я слышу, как кто-то осуждает или оскорбляет других, я не сбегаю, я выражаю свое мнение. Не всем оно нравится. Если же мое мнение принимают и разделяют, я очень счастлива. Когда мои коллеги или знакомые обсуждают какие-то статьи на тему ЛГБТ*, я слышу много мерзких высказываний. Гомофобные разговоры

для меня как нож в сердце. Никто не говорил мне ничего прямо о моём сыне, но я выстраиваю дистанцию в общении с гомофобными людьми. Я слышу мнение, которое они выражают, и меня ужасает, в настолько нетолерантном обществе мы всё ещё живём.

Несколько лет назад я чувствовала себя очень одинокой. Я думала: «Должны же быть ещё такие мамы как я, как бы мне их найти?» Я хотела поговорить, и мне было интересно, что знают они. Понимают ли они своих детей и общаются ли с ними? Теперь нас в группе несколько, но группа не растёт. Могут быть разные причины для этого. Например, то, что мы собираемся в Вильнюсе, а мамы живут по всей Литве.

Пусть встречи бесплатные, но дорога из других регионов стоит денег. А если не деньги, может, их останавливает страх? Или, может, они сомневаются... что им нужна поддержка. Когда я первый раз шла на встречу с другими матерями, я ожидала увидеть несчастных, замкнутых, напуганных женщин, а когда увидела их, подумала: «Какие они крутые!» Мы сразу же очень сблизились. Конечно, кому-то открываться легче, кому-то сложнее, но никто не заставляет нас ничего делать. Возможно, я потеряю некоторых друзей из-за ориентации моего ребенка. Будущее покажет, настоящие ли это были друзья, но я уже обрела нескольких новых.

Другим матерям я хотела бы сказать: «Читайте, интересуйтесь и размышляйте. Страх рождается из незнания. Дело не в том, что вы потерпели в чем-то неудачу. Ваш ребенок прекрасен». Участвуя в группе, я помогаю развиваться самой себе. Быть рядом и общаться с другими такими же родителями поддерживает меня и придаёт сил. Надеюсь, и другим тоже. Вместе мы можем идти вперёд.

История 14

Безусловная любовь

Тэо и Марджо Кёйперс (Нидерланды)

Тэо

У нас с моей женой Марджо двое сыновей, гомосексуальный и гетеросексуальный. И для нас между ними нет вообще никакой разницы. Мы безоговорочно любим обоих, и их сексуальная ориентация не проблема ни для кого из нас. Мы верим, что Бог создал их теми, кто они есть, и кто мы такие, чтобы сомневаться в Его творении? В нашей семье очень прочная связь, и мы стараемся жить друг с другом в мире и заботиться о потребностях наших близких. Наш младший сын сделал каминг-аут в канун Рождества. Он работал за компьютером за своим рабочим столом и просматривал ЛГБТ*-сайт, чтобы найти побольше информации.

Я спросил его, что он делает, и он ответил: «Мне нужно кое-что вам сказать». Моя жена, наш старший сын и его девушка сидели в гостиной. Он сказал нам, что парни нравятся ему больше, чем девушки, и мы ни капли не удивились. В глубине души мы знали, что он гей. Мы все обнялись, и он почувствовал большое облегчение и благодарность за то, что мы приняли его, как сына-гея, как брата и деверя. На следующей неделе он сделал каминг-аут перед всем своим классом, и никто не отвернулся от него. Это было для него огромным облегчением. Мы хотели бы, чтобы он рассказал о себе гораздо раньше. Тогда мы очень мало знали о гей-сообществе и гомосексуальных отношениях.

Мой близкий друг и коллега — гей, он рассказал нам много интересного о ЛГБТ*-сообществах и даже водил нас в гей-бары в Амстердаме. Мы живём в Хорне, маленьком городе возле Амстердама. Мы начали посещать Pink celebrations (серия праздничных рождественско-новогодних мероприятий в честь защиты прав ЛГБТ*, где Санта одет не в красный, а в розовый) в Кайзерграхтской церкви в Амстердаме, и мы также несколько

раз участвовали в праздничных платформах во время амстердамских гей-парадов. В 2016 году мы плыли на Лодке Мировых Религий (World Religion Boat) со слоганом «Сосуществовать в свободе» и выиграли главный приз. Имам-гей из Франции стоял рядом с лесбиянкой, дочерью Десмонда Туту из Южной Африки. Некоторые люди на набережных начинали плакать, когда мы проплывали мимо по каналам Амстердама. Мы также решили присутствовать, когда в Мальте открывалась ENP (European Network of Parents of LGBTI+, Европейская Сеть Родителей ЛГБТ*, организация, объединяющая многочисленные родительские группы). К сожалению, в Нидерландах нет родительских групп, так что мы индивидуальные члены ENP. Мы полностью разделяем слоган ENP: «Безусловная любовь».

Так печально, что родители отрекаются от своих детей после их каминг-аута. Мы не можем понять и принять, что такое продолжает происходить каждый день до сих пор. Мы будем нести баннер с этим слоганом ENP на Прайде в Амстердаме в июле. Наш сын пойдёт с нами, и мы очень гордимся им. Мы всем будем рассказывать о нашей семье и обоих наших сыновьях — одном гомосексуальном и одном гетеросексуальном. Принятие и равенство начинаются с семьи.

Марджо

Ещё когда он был маленьким, я чувствовала, что, возможно, ему будут нравиться мальчики. То, что он рассказал нам о том, кто он, было его рождественским подарком для нас. Подсознательно я уже знала. Ты мой сын, не важно, до того, как рассказал или после. Но моё сердце плакало, когда он обнял меня и сказал: «Спасибо за то, что любишь меня тем, кто я есть». Конечно, я люблю тебя. Ты все тот же мой сын и до, и после Рождества!

Он захотел, чтобы мы знали, и это было абсолютно естественным и нормальным. Мы уважали его выбор и не стали всем рассказывать об этом.

Но как родителям, нам приходится иметь дело с окружающими. «Почему вы не позвонили/не рассказали нам?» — спрашивали нас. Я отвечала: «Слушайте, я же не звонила вам, когда мой старший сын оказался гетеросексуальным». И нет, мы не воспитывали их по-разному.

История 15

Я стою горой за любимого сына

Мелани Центрих (Словения)

Мне 62 года, мой сын — гей. Он совершил каминг-аут 14 лет назад. Ему было 18 лет, и он учился на первом курсе. В то время я много и усердно работала. Семейные отношения были стабильными, и я считала своих детей (сына, которого я упоминала выше, и его брата, который старше на 7 лет) уже взрослыми. Я была счастлива и не ожидала никаких угроз нашей счастливой жизни.

Однажды вечером сын неожиданно пришёл ко мне в офис. Сначала он говорил, что плохо себя чувствует, ощущает себя подавленным и выгоревшим. Мне было успокаивающе думать, что в плохом самочувствии нет ничего особенного. Затем мой сын признался: «Но у меня есть проблема. Я чувствую влечение к своему полу...» И

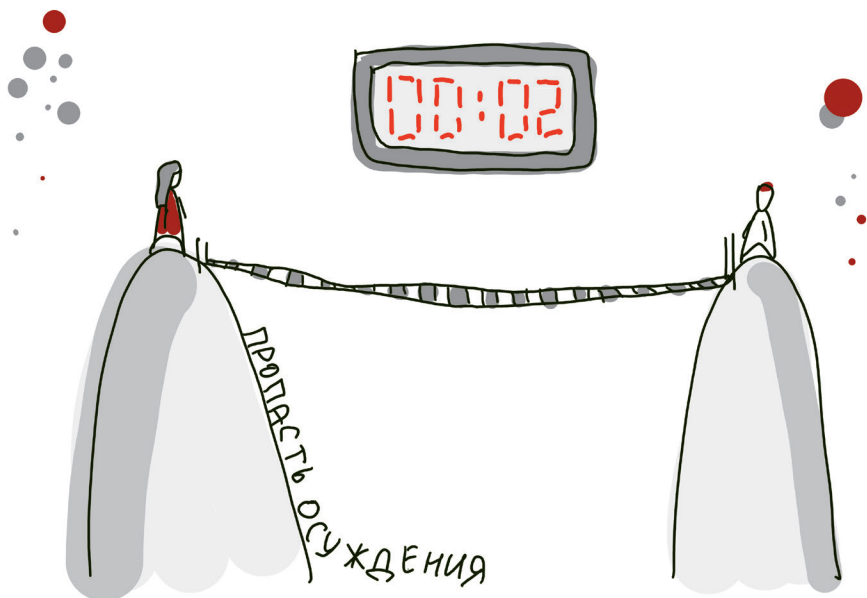
он горько заплакал.

Для меня это было огромным потрясением. Я никогда серьёзно не думала о гомосексуальности как о чём-то, что я могу встретить в жизни, но потом я обнаружила, что стою перед своим любимым сыном, плача о том, о чем никогда не думала плакать.

Ну и что теперь? Через несколько секунд я должна была решить, что делать. Я нашла самое правильное решение - успокоиться! Он жив. Ему грустно из-за этой ситуации, но он сказал мне правду. Он готов разделить со мной свою историю.

Это было для меня большим облегчением. Всего за несколько секунд своей жизни я перевернула свое мышление, ценности и приоритеты с ног на голову — и сегодня я счастлива, что отреагировала именно так.

Не могу передать, как это важно. Даже если ваш ребёнок рыдает — оставайтесь спокойными. Выслушайте его, кивните и дайте понять, что

готовы к разговору. Он может чувствовать, что ему не удалось снять тяжелое бремя со своих плеч, поэтому вместо того, чтобы концентрироваться на конкретных наводящих фразах, попробуйте установить связь на эмоциональном уровне.

«Ты кому-нибудь говорил об этом?» Это ещё один вопрос, который беспокоит родителей, когда их ребенок совершает каминг-аут. Скорее всего, вы не первый человек, которому доверился ваш ребёнок. Часто ЛГБТ*-ребёнок попытается предположить вашу реакцию, сначала рассказав об этом другим. Возможно, дети не хотят разочаровать, расстроить или шокировать вас, поэтому обращаются к другим за советом, как подойти к этому вопросу и все вам рассказать.

Задавать такой вопрос — это хорошо. Это дает вам понимание того, насколько она/он открыты, особенно если ваш ребёнок пока не хочет открываться кому-либо еще. ЛГБТ*-человек проводит всю свою жизнь, открываясь другим людям — я видела много каминг-аутов, которые прошли плохо, и тогда этот человек старается найти другую возможность раскрыться и попытаться обсудить это снова — она/он пытается выяснить,

что пошло не так в прошлый раз, и найти способ лучше. Поддержка и понимание родителей в этой ситуации поистине ценны и незаменимы.

Эти 14 лет не всегда были лёгкими и позитивными, но мы справлялись вместе, как семья: мой муж, мой старший сын. Все тети, дяди и близкие были также очень вовлечены в этот процесс. Совершить каминг-аут не всегда легко, но это единственно правильный путь. Это даёт каждому возможность оставаться человеком и проявляться самым естественным образом.

История 16

Я написала это письмо, чтобы объяснить ситуацию

«Марта» (Испания)

1. Что вы почувствовали, услышав эту новость?

Мы были более или менее традиционной семьей с одной забавной особенностью: мы обычно придумывали истории, чтобы объяснить, почему ключи всегда теряются или почему часы никогда не показывают то время, к которому мы обещали приехать домой прошлой ночью...

Однажды мой 20-летний сын позвал меня в свою комнату и сказал: «Мама, я осознал, что я всегда был женщиной, я написал тебе это письмо, чтобы объяснить свою ситуацию». Я не могла поверить в то, что услышала. Я была готова сказать: «Не шути так, это не смешно», но поняла, что он говорит всерьёз. Он так боялся быть отвергнутым, что почти плакал. Я обняла его и сказала: «Я ничего не понимаю, но будь уверен, что я в любом случае люблю тебя».

Я была действительно сбита с толку; я не могла перестать задаваться вопросом, как это возможно, что сын, которого я родила, стал женщиной? Два противоречивых чувства возникли в моем сознании. С одной стороны, я подумала, что раз я ничего не замечала все 20 лет его жизни, то, наверное, была самой глупой матерью в мире. Но, с другой стороны, я подумала, что не была бы такой уж глупой, если бы ничего не поняла просто потому, что это всё было странным.

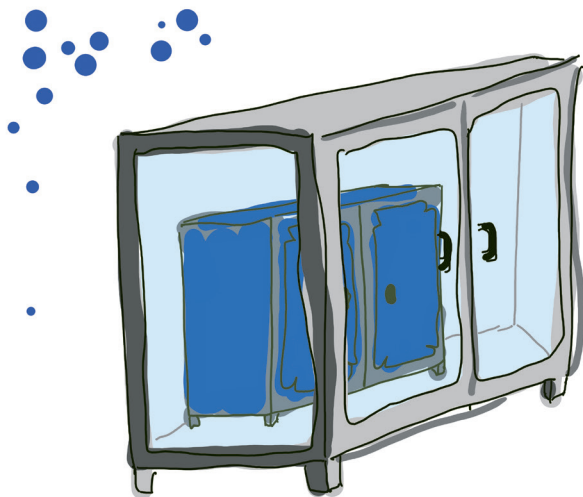
2. Какими были ваши страхи?

Как только я начала в это верить, мне нужно было знать, что означает переход во всех аспектах: медицинском, психологическом, социальном... Я боялась того ущерба, который может причинить его здоровью переход: вторичные последствия гормональной терапии и рискованная хирургия. Я задалась вопросом, что может произойти, если он передумает после перехода?

Меня беспокоило социальное отвержение, и я сомневалась, сможет ли он жить нормальной жизнью. Я боялась влияния этой ситуации на всю семью. Мы прилагали большие усилия, чтобы уважать характер и точку зрения каждого. Несмотря на разногласия, мой муж оказывал сильную поддержку нашей дочери и мне в течение всего этого периода. Но было нелегко справиться с другим процессом, с постепенным осознанием и принятием проблем ЛГБТ*.

3. Что вы чувствуете сейчас?

Прошло пять лет, и переход, к счастью, завершен. Моя дочь учится в университете и работает, у нее много друзей и обычная жизнь молодой женщины. Я помогаю другим родителям принять переход их сыновей и дочерей и помогаю сыновьям и дочерям справиться с трудностями их родителей. Сейчас мы всегда обращаемся к дочери как к женщине, даже когда говорим о её детстве. Мне трудно сказать, что у меня есть транс-дочь, так как я считаю ее обычной женщиной. Считаю себя настоящей женщиной, моя дочь не любит пояснять, что она транс-женщина. Вот почему я использую псевдоним. Но, сказать по правде, я боюсь, что это может означать еще одно «запирание в шкафу». Первый каминг-аут — это сказать вслух о вашей истинной гендерной идентичности, второй «шкаф» появляется, когда вы не хотите говорить, что совершили переход, так как боитесь быть отвергнутым.

История 17

В каждом из нас зажётся новый огонь

Карло Терриака (Италия)

Двенадцать лет назад, в начале января, мы сидели на кухне втроём. Он сидел напротив нас. Уже несколько дней мы беспокоились о нём, потому что видели, что он расстроен, но не знали, из-за чего. Мы спрашивали много раз, но все наши вопросы оставались без ответа.

Внезапно он сделал глубокий вдох и произнёс: «Я должен вам кое-что сказать. Я наконец понял, кто я, и теперь я могу дать этому имя: я гей».

Первой отреагировала моя жена, она сказала: «Я знала. Я очень надеюсь, что ты встретишь человека, который будет любить тебя, как и ты его, так же как мы с твоим отцом любим друг друга».

«Я знала», — сказала Паола. Однако мы никогда не обсуждали это с ней, не делились нашими предположениями и тревогами. Но тем не менее она знала, как это часто бывает у матерей.

Я был шокирован его словами: «Теперь я могу дать этому имя». Ему было уже 24 года. Я положил руку ему на плечо, а сам подумал: «Где же я был, пока он рос?» Потом мне в голову пришли две мысли: ни за что на свете я не позволю себе потерять моего сына, а вторая, что мне нужно защищать свою любовь к нему. Но мне нужно было работать над собой, мне нужна была помощь.

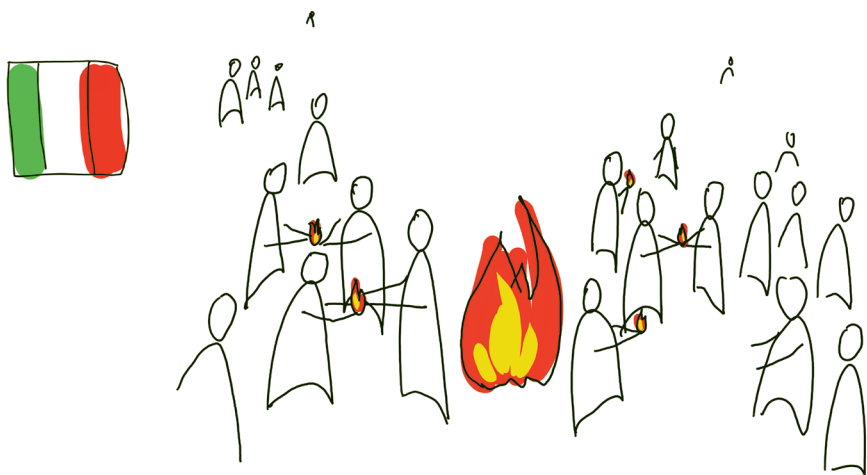
На следующий день было удивительно голубое небо, над Римом ярко сияло солнце. Вернувшись из школы, жена рассказала мне, что несколько раз она поднимала голову и смотрела вверх, и, хотя солнце сияло, ей было грустно: она думала, что у нашего сына никогда не будет своих детей.

Прошло несколько месяцев, и каждый день мы с женой затрагивали эту ситуацию в разговоре, иногда лишь парой слов, иногда продолжая

разговор, который начали накануне. Была ли здесь наша вина? Бессонными ночами я часто думал о его детстве, вспоминая то упрёк, то ссору, в общем конкретные моменты, которые могли бы бросить тень на моё родительство.

Спустя два года мы рассказали родственникам, поговорили с друзьями после совместного просмотра кино.

В то время одна девушка, подруга моего сына, сделала каминг-аут, и её родители отреагировали очень жёстко. Бывало, она приходила к нам домой и плакала. Паолу это очень задело, она знала о AGEDO (итальянская Ассоциация родителей ЛГБТ*-детей) и решила вступить в Ассоциацию, чтобы оказывать помощь. Я присоединился к ней и должен сказать, в этот раз для того, чтобы самому оказывать поддержку.

Было так здорово вырваться из нашего одиночества, обнимаясь с другими родителями. Тогда нас было так мало, а сейчас нас так много в Риме и других отделениях Ассоциации в разных городах Италии.

Совершенно определённо, как я выразился в поэме, написанной после присоединения к AGEDO, в каждом из нас зажегся новый огонь. И мы стремимся поделиться им с как можно большим числом людей.

История 18

«Мам, Павел хочет тебе кое-что сказать... Он гей»

Мардженна Латавич (Польша)

Это случилось много лет назад. Мой старший сын Камиль совершил аутинг своего брата: «Мам, Павел хочет тебе кое-что сказать... Он гей». Я спросила: «Это правда?» — «Да», — сразу ответил мой средний сын Павел. «Ты в этом уверен?» — «Да», — выпалил он и вышел из комнаты. Я пошла за ним и говорю: «Тебе хана», (я имела в виду, что ему придётся ужасно нелегко), но я обняла его и поцеловала. Мне было грустно. Я понимала, что теперь не все двери открыты для него, и велик шанс встретить человека, который захлопнет дверь прямо у него перед носом. Но тогда я понятия не имела, что такое настоящая гомофобия. Мне казалось, что это просто неприятие группы людей, которые кажутся другими, что это всё клише и что гомофобы — это просто плохо образованные люди, не умеющие думать, мнение которых основано на стереотипах.

Через несколько лет мой младший сын Стас также совершил каминг-аут. Он хотел поехать к одному парню из Швеции, с которым он познакомился на Прайде в Варшаве, и он не понимал, как рассказать мне об этом. Мы обсуждали планы на летние каникулы, и вдруг он говорит: «Знаешь, мам, мне кажется, я гей». — «В каком смысле тебе кажется, что ты гей?» — «Ну, в общем, я гей». Я рассмеялась, обняла его, но в глубине души я понимала, что ему тоже придётся непросто.

Через 2 года в новогоднюю ночь по дороге домой на Стаса напали, потому что он держал за руку своего парня. Я была в шоке от случившегося, но и тогда я не поняла, что гомофобия действительно существует, потому что, судя по описанию на них напали какие-то гопники — ведь в моём понимании нормальные люди так себя не могут вести.

Когда я рассказала эту историю, я поняла, как на неё реагируют «нормальные» люди, которых я считала мудрыми и прогрессивными. Это открыло мне глаза. Гомофобия повсюду, и она больше, глубже и опаснее,

ГОМОФОБИЯ ОСЛЕПЛЯЕТ

чем я думала. Это предвзятость. Это состояние, которое невозможно логически объяснить, которое уничтожает любую эмпатию и присуще не только людям из народа, но и образованным личностям. В общем, я относилась к людям слишком идеалистично.

Этот случай позволил мне понять, что в польском законодательстве не существует понятия «гомофобия», поэтому она не относится к преступлениям на почве ненависти. По совету Стаса я вступила в Ассоциацию заинтересованных родителей, чтобы лучше изучить нашу законодательную систему и изменить её. Я состояла в этой организации в течение 4 лет. Я поняла, что ЛГБТ*-люди сталкиваются с огромным количеством несправедливости, особенно в нашей стране. Мы находимся в самом хвосте рейтинга ILGA (Международной ассоциации лесбиянок и геев).

На сегодняшний день я состою в трёх ЛГБТ*-организациях. Во главе моей страны стоит ультраправая радикальная партия, заигрывающая со своим ультраправым электоратом. Ксенофобные высказывания по отношению к меньшинствам у нас считаются нормой. Я уверена, что важно не только менять законодательную базу, но и в общем смысле положительно влиять на мышление людей. Только такие изменения могут гарантировать соблюдение законов. И это отличная задача для матери двух сыновей-геев!

История 19

Сохраним это в тайне

Галина (Украина)

Снова и снова я думаю, с чего начать. Мы с мужем долго ждали рождения сына, и, когда это произошло, мы были поглощены невероятной родительской любовью. Мы баловали его и готовы были сделать для него всё.

Когда ему было два года, ему поставили диагноз «детский церебральный паралич», в лёгкой форме. Мы ездили по разным медицинским центрам в поисках врачей и разных способов лечения. Разумеется, мы встречали много детей, случаи которых были гораздо более ужасными. После лечения наш сын остался хромым. И получается, что с самого детства он отличался от своих сверстников, и то, что другим детям давалось легко, от него требовало дополнительных усилий. Мы видели это, но это никогда не имело значения, мы просто делали всё, что могли, чтобы ему помочь. Поэтому даже если он вёл себя иначе, чем его друзья и сверстники, мы думали, что так и должно быть. Так что я даже не особенно обратила внимание, когда в 15 лет сын сказал, что он гей. Конечно, я думала: что за глупости приходят в голову подросткам! Быть геем сейчас модно, надо немного подождать, пока ему в голову не придет что-нибудь новенькое. Какое-то время это был наш с ним секрет. Потом его отец тоже узнал, но и он подумал, что это какая-то шутка.

Шок пришел с откровением, когда бойфренд нашего сына, которого он любил и с которым жил в съёмной квартире, бросил его (до этого мы думали, что он снимает квартиру с девушкой!). Трагедия в жизни нашего сына разворачивалась прямо на наших глазах. Разумеется, мы забрали его домой и постарались поддержать. С того момента во мне начала расти паника и боль. У меня были все эти типичные мысли: что он будет делать? останется ли он один? что насчёт ВИЧ? а как же внуки? когда это произошло? что я сделала не так?

Ну и, конечно, люди задавали нам разные вопросы: почему у него нет девушки? Почему он не женится? Я постоянно молилась, старалась поговорить с ним, изучала разные материалы. Я надеялась, что всё встанет на свои места само собой. Но этого не произошло. Становилось всё сложнее и сложнее жить с этим, и я всё чаще рыдала в одиночестве.

Вскоре наш сын начал встречаться с парнем, который жил по соседству. Мы приняли это и старались помочь им при любой возможности. Хотя мы не одобряли его выбор, мы наблюдали за их отношениями, видели, как нежно и заботливо они обращаются друг с другом, и это нас успокаивало. Постепенно я начала рассказывать правду друзьям и родственникам. Конечно, не всем подряд, но тем, кому доверяла. На тот момент я очень устала от всех этих вопросов. Это помогало мне, но как-то мой сын мягко спросил: «Мама, почему ты рассказываешь другим, не спросив меня?» Мне было так стыдно! Я думала только о своих чувствах! С одной стороны, я видела, что эти разговоры ничего не изменили между нами и нашими друзьями и родственниками, с теми, кого мы любили и уважали. Их отношение к нам не изменилось, и когда всё открылось и не надо было больше ничего скрывать, мне было гораздо легче переносить эту боль, ведь я могла разделить ее, поделиться с другими.

Но самое главное событие для меня, как для матери сына-гея, произошло три года назад, когда я нашла ассоциацию родителей TERGO и попросила разрешения присоединиться к ним. Все матери в этой организации прожили тот же опыт, что и я. Они обнимали меня, выслушивали, плакали вместе со мной, приглашали на встречи и мероприятия. Я даже не поняла, когда это произошло: каким-то образом моя боль очень быстро утихла, стыд растворился и отношения в семье изменились. Поначалу я опасалась принимать участие в открытых мероприятиях, фотографироваться и давать интервью. Но и этот страх вскоре исчез. Теперь я без всяких сомнений посещаю мероприятия мартовского Прайда в Киеве и публичные встречи.

Я очень сильно изменилась за эти три года, и мои друзья и родные заметили это. Но что более важно, жизнь моего сына изменилась к лучшему. У него новая интересная работа. Больше года назад он встретил настоящую любовь, умного и заботливого партнёра. Друзья моего сына, среди которых

КУРСЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

есть геи, лесбиянки и бисексуалы, любят общаться со мной.

Иногда я думаю, как сильно гомосексуальность сына изменила мою жизнь. Я стала частью сообщества родителей ЛГБТ*-детей, я повстречала множество талантливых, умных и интересных людей — больше, чем за всю свою жизнь. Благодаря TERGO я езжу в разные страны и разные города Украины. Теперь я готова отвечать на трудные вопросы. Я чувствую уверенность и счастлива, что смогла стать профессиональной матерью сына-гея.

История 20

Станция метро

Салих (Турция)

Сначала у меня родились 2 дочери, а потом сын. Я был самым счастливым отцом на свете. Мы очень много работали, чтобы дети получили образование. Курсы, школы, экзамены, школьные отчеты... Было ощущение, что мы начали учиться заново, мы вместе готовились к экзаменам, вместе переживали, вместе мёрзли по утрам, когда было холодно. Мы просыпались до рассвета, чтобы приготовить детям вкусный завтрак. Мы хотели, чтобы они учились в лучших школах. Моя старшая дочь поступила на юридический, а младшая училась на инженера. Мы были очень счастливы.

Когда сёстры уехали в колледж, сын пошёл в старшую школу. Мы хотели проводить с ним как можно больше времени. Обычно я ждал его в машине напротив здания, где он учился, чтобы он не промок, но он ругался на меня, зачем я так далеко ехал, а потом уходил домой под дождём. Он старался, чтобы никто из его друзей не заметил нас и специально шёл другой дорогой, если замечал кого-то знакомого. По школьным правилам мальчики должны были носить короткую стрижку, но он всегда говорил, что ему было бы любопытно отрастить волосы и что в университете он хочет длинные волосы, как у сестёр. Когда один из преподавателей стал намекать мне, что мой сын хочет сидеть с девочками, я подумал: «Это естественно, он же рос с сёстрами». По окончании старшей школы мой сын поступил на факультет переводчиков в один из старейших университетов Стамбула. Мы достигли нашей цели. Наконец-то все наши дети получают высшее образование. Тем не менее мы постоянно думали, как они там, ведь раньше дети никогда не уезжали из Стамбула (кроме школьных поездок).

Пока наш последний ребенок не уехал из дома, я не знал, что настолько привязан к нашим детям. Каждое утро я просыпался с ощущением пустоты, каждую ночь чувствовал, что моё сердце не на месте. Все эти годы я даже не подозревал, что я такой эмоциональный человек. На каникулах мы с нетерпением ждали их приезда.

Я начал что-то подозревать, когда мой сын, который учился на втором курсе, позвонил мне и сказал: «Папа, я так соскучился! И я в любом случае так устал от общежития. Можешь меня забрать? Не хочу оставаться тут со своими приятелями. Есть кое-что, о чем я хочу рассказать тебе на этих выходных». Он давно не приезжал домой. Когда я приехал за ним на автовокзал, оказалось, что он отрастил волосы и впервые отпустил бороду. Я помню об этом, потому что хотел, чтобы жена поскорее увидела, как хорош собой наш сын.

На следующий день, когда после завтрака он сказал: «Пап, мне надо с тобой поговорить», мои подозрения усилились. О чём ему нужно было с нами поговорить? Что такого наш сын, которого мы знали столько лет, мог нам рассказать, чего мы не знаем. Я забеспокоился и не был уверен, что хочу услышать то, что он хочет сказать. Он начал первым. «Папа, для начала я хочу объяснить тебе несколько терминов». Он начал объяснять нам термины про ЛГБТ*, с которыми мы в будущем познакомимся в LISTAG (организация семей и друзей ЛГБТ*-людей в Турции). Я слушал его молча. Он продолжал объяснять. Мы с женой ловили взгляды друг друга. В её глазах я увидел те же сомнения, что были у меня. «Я хочу, чтобы вы увидели меня таким, какой я есть, папа, я трансгендерная женщина». Мы с женой оцепенели. Мы смотрели друг на друга не в силах произнести ни слова. Это было невозможно принять, он был нашим сыном 20 лет. «Как это случилось?», спросил я. Внезапно наш сын высвободился из наших рук.

«Я думал о тысяче вариантов, как не расстроить вас, но я не хочу уезжать из этого дома, папа», — сказал он. Мы оба плакали, когда он спросил: «Вы сможете любить меня таким, какой я есть? Я люблю вас такими, какие вы есть».

В надежде, что он выздоровеет, я ничего не сказал сыну и как можно скорее обратился к врачам. Но в итоге я узнал, что это даётся от рождения и лечить тут нечего, потому что он не был болен. По совету нашего ребёнка мы позвонили в LISTAG и спросили: «Что нам делать? Если ли ещё люди в таком же положении?» Потом мы нашли поддержку в CETAD. Мы начали чаще ездить в Стамбул, чтобы побыть с детьми. Мы рассказали обо всём нашим дочерям. Поначалу они отреагировали, как и мы: «Этого не может быть, мы же 20 лет знаем нашего брата. Это невозможно, мы бы что-

то заметили». Но мы с женой стояли за нашего ребёнка горой, поэтому сначала наши дочери, а потом и другие люди, которым мы рассказывали, принимали его таким, какой он есть.

Приближалось вручение дипломов. Я хотел, чтобы он надел брюки, но он решил пойти по магазинам, чтобы выбрать платье, сказав, что хочет впервые надеть его. Однако он чувствовал себя некомфортно в магазинах и начал примерять платья своих сестёр дома. Потом выбрал одно и отправился в нём на церемонию.

Однажды мы решили прогуляться и поехать в Кадыкёй. Он собирался увидеться с другом, а я думал вернуться в город. Его красная помада так шла к его длинным тёмным волосам. Мы шли вместе, не глядя друг на друга. Иногда, как отец и сын, иногда как отец и дочь, иногда как незнакомцы — наши сердца никогда не разлучались. Может, мы оба хотели одного и того же: идти по улицам, дышать, гулять не тревожась, что люди смотрят на нас. Мы зашли в метро, и вокруг нас сразу стала образовываться толпа. Мы шли, не заботясь об этих взглядах, но в конце концов мой ребенок, который уже очень устал от них, захотел, чтобы я его обнял.

До этого дня мой сын так никогда не делал. Неужели он окончательно стал девочкой? Я не мог этого принять. Я неосознанно убрал руки. Он посмотрел на меня стеклянными глазами и не говоря ни слова развернулся и ушёл. Я не моргая смотрел ему вслед. Его длинные волосы, стройная фигура быстро удалялись и вскоре она растворилась в толпе.

Мы не виделись после этого, я уехал домой. Потом я получил от него сообщение: «Ты когда-нибудь думал, почему тебе стыдно, а мне нет? С детства ты психологически мучал меня, не принимал мои идеи всерьёз, не слушал меня... Как мне удалось стать таким уверенным в себе, да? Ты же отец, который хочет послушания от твоих детей. И у них не может быть собственных мыслей. Всякий раз, когда мы спорили, ты спрашивал у третьей стороны: “Кто прав?” Как будто бы ты не знал, что тебе ответят. Ты же главный. Конечно, ты всегда прав. До сегодняшнего дня ты был уверен, что ты прав. На самом деле мне тебя жаль... Я не знаю, кем ты себя считаешь, но у меня достаточно сил, чтобы противостоять тебе. Ты и твои защитники играли с моей уверенностью, с моей самостью. И в итоге ты

сделал меня позором семьи. С этого момента можешь оставить свои мысли при себе. Будь я на твоём месте, я бы тоже стыдилась, но не своего ребёнка, а того, что я не понимаю его. Папа, я больше не жду, что ты осознаешь свои ошибки».

Я скрыл это сообщение. Я даже ничего не сказал жене. Каждый раз читая это послание, я плакал, ведь благодаря врачам и CETAD я уже знал, что мой ребёнок таким родился и он не мог это изменить. Это сообщение многому меня научило. Однажды на встрече LISTAG я прочитал его вслух. Теперь об это знали и другие люди, не только я и он.

Сейчас дела идут лучше. Благодаря LISTAG и CETAD мы увидели, что не одиноки. На самом деле, на вручении дипломов мы видели людей, которых мы встретили в CETAD - и я хочу поблагодарить их за поддержку. В семье тоже всё понемногу налаживается. Её сестры, которые поначалу не могли принять эту ситуацию, даже купили ей целую коробку косметики. Мы гуляем все вместе: я, жена и наши девочки. Я фотографирую её, как она смело заходит в метро.

Из книги «Gökkuşajından Hikayeler»,
сборник рассказов семей LISTAG в Турции,
октябрь 2018 г.

История 21

А ты когда-нибудь...?

Луиза Грэх (Мальта)

Ты когда-нибудь чувствовала себя потерянной и неуверенной, не знающей, куда ты идёшь или что делаешь?

Ты когда-нибудь чувствовала смущение и беспокойство, недоверие ко всем, страх говорить, потому что тебя осудят? Ты когда-нибудь чувствовала, как будто твоё сердце разбито на тысячу миллионов крошечных осколков, которые никогда не будут собраны снова вместе, всхлипывая и тоскуя до крика от невысказанной боли, которой ты не можешь дать выхода.

Ты когда-нибудь чувствовала одиночество, потому что не знала, к кому обратиться? Тебе когда-нибудь хотелось выговориться, но слова застревали у тебя в горле?

Мне приходилось!

Ты когда-нибудь обнаруживала себя в реальности, которая страшнее твоего самого большого ночного кошмара, всё еще понимая, что это реальность и ты не в силах ничего изменить?

Ты когда-нибудь осознавала, что просто невозможно, чтобы ты прошла этот путь одна и затем найти утешение в ком-то?

Ты когда-нибудь обнаруживала, что ты ввязалась в битву, которая никогда не может быть закончена? Битву с самой собой, битву против всего мира, который полон предубеждений и нетерпимости; мира, чьи действия и слова жестоки и болезненны; мира, который считает невыносимо сложным принимать многообразие.

Мне приходилось!

Когда я узнала, что мой сын гей, все эти чувства пришли, чтобы преследовать меня и насмехаться надо мной! Перестану ли я его любить? Никогда! Уже зная о жестокости этого мира, я боялась за его безопасность, за его жизнь!

Я опасалась, что другие могут превратить его жизнь в ад! Я узнала, что в школе он подвергался буллингу и его дразнили, и несмотря на все изменения в законодательстве, произошедшие с тех пор, люди всё ещё предвзяты. Неистово верят, что быть геем — это выбор. Ошибочно верят, что представители ЛГБТ*-сообществ неразборчивы в связях и/или педофилы. И так много других ошибочных идей распространяются вокруг, и так много ненависти разжигается вокруг этого сообщества. Изменится ли это когда-нибудь?

И да, я испытывала все эти чувства!

Это было долгое путешествие; у меня было много подозрений, что мой сын гей, но я не хотела этого признавать. Вопреки всему надеялась, что мои предположения не верны. Верила или хотела верить, что всё встанет на свои места. Никогда не имея опыта каминг-аута сына, и даже наоборот — вынужденная спросить его прямо в лоб спустя довольно много лет, не будет ли он столь добр сказать мне, если он вдруг гей! На что он довольно небрежно ответил: «Я думал, ты знала!»

Могла ли я когда-либо перестать любить своего сына? Никогда! Ни за миллион лет! Человек с добрым и заботливым сердцем, иногда выводящий из себя, но всегда любимый! Человек многих талантов и правильных ценностей. Когда он захотел уехать, чтобы учиться и работать за границей, это разбило мне сердце, но я понимала, что ему нужно пространство, чтобы расти, изучать и покорять новые горизонты.

Нам с мужем потребовалось довольно много времени, чтобы набраться смелости и поделиться своим опытом с другими членами семьи и близкими друзьями. Мы действительно столкнулись с некоторыми неудачами, больше, чем ожидали, но ничего особенно плохого не случилось. Медленно, но уверенно любовь внутри семьи собрала всех на борт.

Мой сын обосновался в Манчестере и был там очень счастлив. А потом он встретил свою вторую половину. Он нашел не только место, которое полюбил, но и человека, с которым он смог это разделить. Когда мы познакомились с его партнёром, мы поняли, что они любят и уважают друг друга, и что их жизнь им нравится. Они делали друг друга счастливыми. Мы встретились с нашими будущими свекрами, и были очень рады этому знакомству. Мы сошлись мгновенно и так и продолжили быть на одной волне. Мы обнаружили, что разделяем так много одних и тех же ценностей в жизни, и мы были вне себя от счастья, что наши мальчики нашли любовь друг в друге. Недавно наши мальчики обручились. Какая это была прекрасная свадьба! Это было небольшое торжество, только семья и близкие друзья. Церемония и приём были абсолютно волшебными! Лучшего я не могла и желать!

В тот период, пока мы пытались осознать новую реальность, мы искали и нашли огромную поддержку со стороны DRACHMA Parents – группы поддержки, организованной родителями ЛГБТ*-детей для того, чтобы

помочь другим родителям найти безопасное пространство, где можно говорить, молиться и делиться своим опытом, страхами и радостями.

Это было удивительное путешествие, где мы нашли умиротворение и удовольствие в нашей жизни, и мы работаем над тем, чтобы повышать осознанность и продолжаем оказывать поддержку другим родителям.

Наша вера в любовь и заботу Господа невероятно помогала нам двигаться вперёд и получать силы, чтобы делиться своим опытом с другими. Мы знаем, что БОГ ЛЮБИТ! Он никого не обделит Своей любовью! Он сотворил каждого из нас по своему образу и подобию, и Он любит нас безусловно! И это неопровержимая истина!

История 22

Если ты счастлива — я тоже счастлива

Зулейха (Турция)

Когда мой мальчик пошёл в начальную школу, у него на руках появились бородавки. Их было очень много, ему было очень стыдно и некомфортно. Он пытался прятать руки в карманах, но, когда я приводила его в школу и забирала после уроков, я всегда держала его за руку. Он пытался вырывать руку, но я ее крепко держала. Он родился, когда я была совсем молода, мы выросли вместе, и я знала, что не смогу отпустить его руку, руку, которую я не могла отпустить, когда он был маленьким, я хочу держать его за руку всю свою жизнь.

Мы были как друзья, могли делиться нашими проблемами. До старшей школы... Я тогда не знала об этом, но мой мальчик сильно изменился. Как-то раз ко мне на работу пришла мама его близкого друга и сказала, что у моего мальчика какие-то проблемы. Она сказала: «Он странно себя ведёт, мне кажется, что у него есть парень». У меня было такое чувство, что мне выстрелили в голову. Я ничего подобного не подозревала. Я была очень расстроена и обескуражена. Я решила поговорить с ним. Я вернулась с работы и сказала ему: «Это правда? Вместе мы сможем преодолеть любые трудности, раньше нам это удавалось». Но он расплакался и сказал, что я все не так поняла. Я выбрала верить ему. И мы зажили счастливо, как прежде.

Я не училась в университете, и мне было очень важно, что мой сын учился. После первого курса так получилось, что я случайно увидела его переписку в Интернете с другим парнем. Это было не похоже на дружескую переписку, а скорее на переписку любовников.

Я снова почувствовала, как в моей голове что-то взрывается. Мне было больше некуда бежать. На этот раз я боялась говорить с ним, он учился в университете в другом городе. Я очень боялась, что он не вернётся, но у меня не было другого выхода, кроме как сказать ему обо всем прямо. «Да,

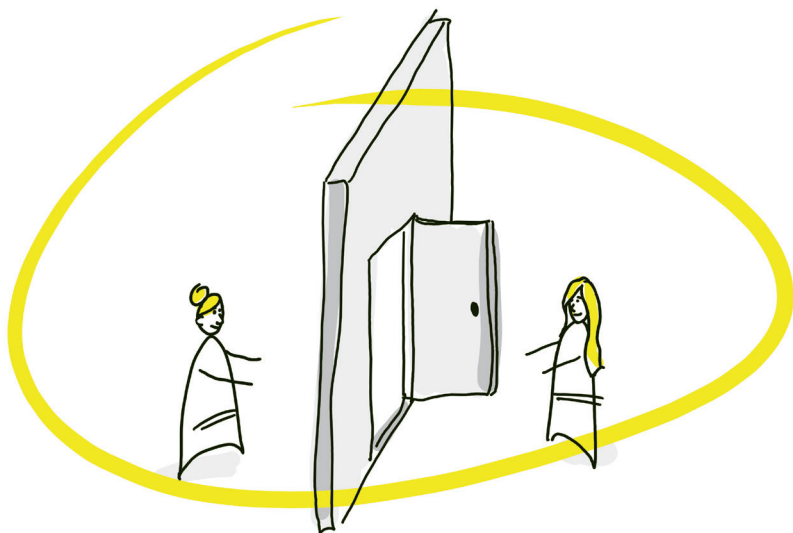
мама, это правда. С этим ничего нельзя сделать. Я был таким с тех пор, как себя помню», сказал он. Я клялась ему, что наверняка с этим можно что-то сделать. Хотя мой мальчик в слезах говорил мне, что тут ничего нельзя изменить, я тайно надеялась, что он откажется от этого, но этого не случилось. Я была очень расстроена, и меня снова положили в больницу. Я пыталась поговорить с ним по душам; мы ругались, я обижала его, потому что ничего не понимала. И несмотря на то, что я была мамой, которая любит читать, на эту тему я не знала ничего. В то время и я, и мой сын очень страдали из-за недостатка информации. Однажды мой мальчик пришёл ко мне и сказал: «Я больше не хочу делать тебе плохо, я ухожу из дома». Это было опустошающе, ведь он был смыслом всей моей жизни. Я пыталась остановить его, но у меня ничего не вышло.

Спустя полтора года, которые я с трудом пережила, он сказал, что хочет поговорить. Когда он пришёл, я обняла его и вдохнула его запах. Я так скучала по нему. Он рассказал, что живёт в Стамбуле, что ему сложно без меня, и позвал к себе. Я ответила ему: «Ну, конечно, я приеду. Я всегда на твоей стороне, помни, как сильно я тебя люблю. Ты — весь мой мир». Мы стали с ним видеться, но я чувствовала, что моему мальчику некомфортно рядом со мной. Однажды он пришёл ко мне и сказал: «Я кое-что сделал». Не знаю, как, но я поняла, что произошло. Я думала, что мой сын — гей, но оказалось, что мой ребёнок — трансгендерная женщина. Она увеличила грудь с помощью имплантов. Она плакала, когда рассказывала мне об этом, но я не плакала. Я понимала, что должна держаться, иначе я снова потеряю своего ребёнка. Я обняла её и сказала: «Если ты счастлива — я тоже счастлива». С того момента мой ребенок стал по-настоящему счастлив, ей стало гораздо комфортнее со мной, но мне нет. Я ничего не знала. Я не понимала, как мне иметь дело с такой ситуацией.

В одной больнице врачи рассказали, что есть одно место для матерей и семей в такой ситуации. Я тогда даже не знала, что означает «трансгендер», и, чтобы найти это место, я написала запрос в интернете «матери гомосексуалов». Так я обнаружила LISTAG. Я позвонила туда и поговорила с одной матерью, и она рассказала мне о встречах CETAD. Я пошла на такую встречу. Во время встречи я даже не смогла рассказать, что мой мальчик — трансгендерная персона, потому что я не понимала, что

это значит. Я начала общаться с другими матерями, которые прошли через такой же опыт. Я поняла, что это никакая не причуда, что это невозможно изменить, с этим ничего нельзя сделать, ведь это даётся от рождения. С каждой встречей я чувствовала себя всё более и более смелой. Когда мой ребёнок приходил домой, раньше я всегда надеялась, что у соседей будет закрыта дверь, и они его не увидят. Но теперь я хотела, чтобы все её видели, потому что ей нечего стыдиться, она не сделала ничего плохого. Аллах сотворил её такой, она такая с рождения, и я должна оставаться на её стороне. Я хотела, чтобы она была сильнее, ведь, к несчастью, моя дочь оказалась среди тех, кого общество не принимает.

Расскажу вам об одном неприятном случае. Когда мы искали квартиру, мы часто сталкивались с такими проблемами. Хозяин дома был гомофобным. После уборки квартиры мы сели ужинать, но не успели даже приступить к еде, как он позвонил и сказал, что хочет приехать. Моя дочь ушла из-за стола, ведь если бы хозяин увидел её, он бы всё понял. У меня скрутило живот. После этого случая, я начала думать, почему я не могу сказать об этом людям без стыда? И я решила защищать права ЛГБТ*-людей. Я начала ходить на встречи LISTAG каждую неделю. Сейчас у нас с дочерью

прекрасные отношения. Я повсюду называю её «моя дочь». Я в хороших отношениях с её друзьями, она нравится людям.

Сейчас я вместе с LISTAG. Я хочу делать так много, как только возможно, ведь я не виделась с дочерью полтора года. Я до сих пор не знаю, что с ней происходило в тот период. Я хочу отыскать как можно больше семей и сказать им: какими бы ни были ваши дети, что бы они ни носили: юбку или брюки, короткие или длинные волосы, как бы они ни красились, что бы ни делали — когда вы обнимаете их и вдыхаете их запах, вы понимаете, что этот запах никогда не изменится. Будьте рядом с вашими детьми. Просто любите их. Моя мама тоже поддержала мою дочь. Я всё ей рассказала и пригласила её на встречу SETAD. И там я услышала, как она сказала: «Теперь я люблю мою внучку ещё сильнее, чем раньше». Я была так счастлива! Ведь на самом деле мой ребёнок не изменился. Если я вижу, как кто-то разглядывает мою дочь, когда мы гуляем рука об руку, я начинаю тоже смотреть тому человеку в глаза. Но самое важное, что до того, как я узнала об её сексуальной идентичности, я была совершенно другим человеком, нежели сейчас. Я пережила настоящее просветление, я очень изменилась. Нам больше не нужно носить маски, мы стали счастливее, мы изменились к лучшему и теперь мы связаны ещё сильнее.

Из книги «Gökkuşağından Hikayeler»,
сборник рассказов семей LISTAG в Турции,
октябрь 2018 г.

История 23

О каминг-аутах и отношениях

Лиесма Осе (Латвия)

Помню, как я, молодая латвийская преподавательница, стою перед доской, на которой написаны три слова: «УЧИТЕЛЬ – СОТРУДНИЧЕСТВО – СТУДЕНТ». Это происходило во время моего первого международного семинара, посвящённого вопросам гражданского просвещения. Я пыталась изъясняться на своём ломаном английском, но глубоко верила в то, о чем говорю. Мой главный тезис тогда был таким: в центре нет никого, в центре стоит сотрудничество, то, что мы делаем и какой опыт приобретаем. Я верила в децентрализацию в образовании и в продуктивные взаимоотношения в жизни как таковой. Это был 1996 год.

Я до сих пор в это верю. В целом мне повезло, у меня были вдохновляющие и счастливые отношения в семье: и с родителями, и с партнёрами. Я была залюбленным ребёнком, а папа меня очень баловал. Возможно, именно этот огромный заряд любви помогал мне в сложных ситуациях. Таких, как эта история каминг-аута моей дочери и моего собственного каминг-аута.

Наверное, сейчас будет правильным упомянуть, что у меня есть опыт двух браков, и от первого у меня два фантастических, светлых, искренних, красивых и счастливых ребёнка. Линда и Эдгарс.

Линде 32, она учёная, и она квир-персона. В отношениях Линда, как мне кажется, предпочитает любовь, уважение, искренность и привлекательность, нежели маскулинность или феминность. И она невероятно любвеобильный человек.

Она не живёт в Латвии. По многим причинам, но я думаю, принадлежность к квир-сообществу в их числе. Летом 2008 года она сделала каминг-аут: «Мам, я... со Стиной». Сначала я была шокирована и потеряла дар речи... на какое-то время. И я не была достаточно добра к своей дочери, должна признать, и я до сих пор об этом сожалею. Линда, сможешь ли ты меня простить за это?

Затем в голове завертелись мысли вроде «когда ты толерантна к этому, твои дети - следующие...». Здесь стоит упомянуть, что я работала директором программы по правам человека в международном фонде, и защита интересов ЛГБТ* была среди моих профессиональных обязанностей. Вдобавок среди моих партнёров по работе и друзей было несколько гомосексуальных людей. И наконец, самое важное: я сама верила в их дело!

Однако, когда это произошло в моей собственной жизни, моя реакция оказалась другой. Итак, я думала: «Ну вот, это происходит со мной. И сейчас моя собственная дочь, а не кто-то другой, испытает на себе полный «спектр» негативного отношения общества к «иным» в сексуальных предпочтениях. Это нетерпимость, осуждение, дистанцирование». Но я должна признать, что в итоге именно мой профессиональный положительный опыт помог мне справиться с личным смятением. Плюс чуткая поддержка моего мужа, у которого буддийский взгляд на вещи. Он успокоил меня такими словами: «Не сходи так с ума, пожалуйста. Счастье Линды — вот что имеет значение. Если она счастлива, то всё в порядке».

Реакции других членов семьи были самые разные: мой сын с самого начала выразил поддержку и понимание, так продолжается и по сей день. Эдгарс, ты изумительный! Моя мама... это был болезненный опыт для нее и для всех нас, особенно для Линды. Она отказывалась с нами говорить, легла и угрожала, что умрёт. Ей до сих пор стыдно перед друзьями, и она никому не рассказывает про Линду. И грустит, что у неё нет внуков.

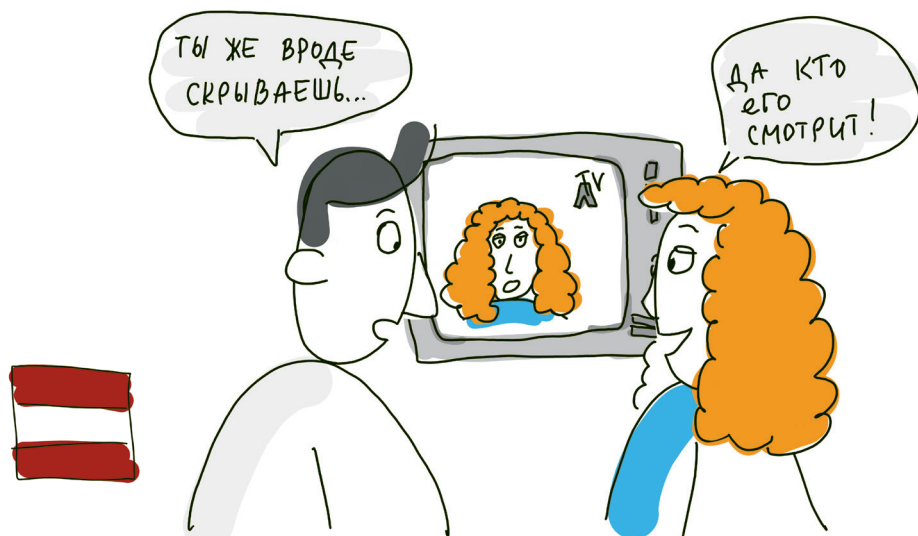
Я медлила со своим каминг-аутом как матери квир-ребёнка, испытывая смешанные чувства, несмотря на открытую и доверительную корпоративную среду в фонде, где я тогда работала. Я чувствовала себя небезопасно, чувствовала себя иной, когда коллеги делились историями о своих повзрослевших детях.

Наконец, почти через год после того, как Линда сделала каминг-аут нам, я сделала его перед своими коллегами. Когда меня спросили, есть ли у Линды сейчас романтические отношения, я ответила: «Да, она живёт с девушкой». Эта фраза сняла всё напряжение. Разумеется, мои коллеги

нормально восприняли факт, что сексуальная ориентация моих двоих детей различается.

Это был 2009 год. Если вы спросите меня, сделала ли я каминг-аут на своем новом месте, где я сейчас работаю - администратором в системе высшего образования, то ответ - нет. Ни за что! Я готова, но мои коллеги не готовы. Это совершенно понятно из нашего ежедневного опыта профессионального взаимодействия и погружения в корпоративную культуру как таковую.

И это деликатный вопрос, ведь моё видео на тему этого же каминг-аута, о котором я здесь рассказываю, транслировалось по национальному радио и интернет-ТВ.

Вы спросите меня, чему я научилась, будучи матерью квир-дочери. Между прочим, я до сих пор учусь у неё: как наслаждаться маленькими счастливыми моментами жизни, как отпускать. И я узнала, что каминг-аут никогда не заканчивается, потому что это будет вашим вызовом в каждой новой социальной среде: и в личной, и в профессиональной.

Есть ли у меня совет для моих дорогих родителей? Да. Если вы столкнулись с другой сексуальной ориентацией ваших детей, у вас только два варианта: принять это или потерять их навсегда. Третьего не дано.

История 24

Мы пытаемся понять, что происходит

Олена (Украина)

В 2011 году моя дочь совершила каминг-аут и рассказала мне о своем желании жить дальше, как мужчина. Так она чувствовала. Я этого не поняла и не приняла. Наши отношения испортились. Дочь бросила школу, переехала в соседний город, а потом уехала в Киев. Мы редко виделись, и эти встречи нельзя назвать приятными ни для нее, ни для меня.

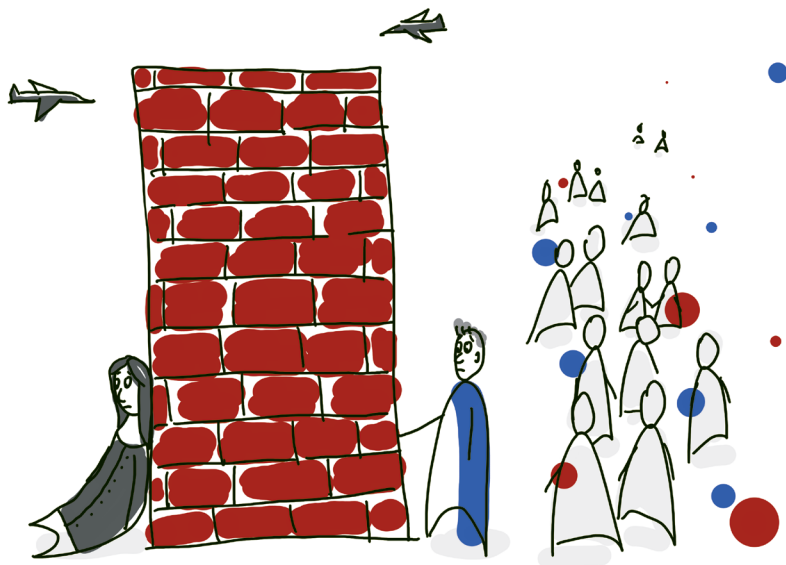
Не знаю, как долго могла бы продолжаться эта необъявленная война в нашей маленькой семье, но в нашей стране началась настоящая война. Внезапно взрывы снарядов и свист пуль стали частью нашей жизни. В этой войне погибли мои знакомые, она нарушила привычный образ жизни, принесла боль и страдание оттуда, откуда никто не ждал, и стала причиной несправедливых потерь. Но благодаря войне я поняла, что у меня есть только один ребёнок, и кем бы он ни был, я люблю его и не хочу его потерять. Я поняла, что даже если бы целый мир был против него, я сделала бы всё, лишь бы он был в безопасности.

Только представьте себе: мы вынашиваем ребёнка 9 месяцев, мы гадаем, кто же родится, желаем ему или ей более лучшей судьбы, чем была предначертана нам самим — как всё это прекрасно в наших мечтах! И в один прекрасный день ребёнок признается, что он гей или что он — человек с необычной для нас гендерной идентичностью. Нам кажется, что мир рухнул, все наши ожидания и надежды превратились в пыль. Мы плачем, пытаемся что-то сделать, не знаем, с кем поговорить, закрываемся, ищем спасения в молитве и умных книгах, обвиняем в случившемся себя. Мы не знаем, куда податься с этим горем. Иногда мы просто отворачиваемся, прекращаем общаться, думаем, что наказаны за что-то.

Потом мы пытаемся понять, что происходит, роёмся в книгах, гуглим, идём к терапевту или к психиатру. И я не исключение; всё просто,

в моей жизни случилось худшее, что могло случиться — война. Это помогло мне понять, что несмотря ни на что жизнь — это самое ценное, что у нас есть.

Мой ребёнок (сегодня это мой сын) посоветовал мне обратиться в ассоциацию родителей ЛГБТ*-детей. Я благодарна судьбе, что я наконец-то оказалась в TERGO. Это было непросто. Я даже не могла объяснить, почему раньше находила тысячи причин, чтобы не пойти туда, а сходить как-нибудь в другой раз. Я так благодарна, что судьба подарила мне встречу с TERGO. Наши тренинги и встречи поддержали меня и помогли понять, что то, что случилось с моим ребёнком — не извращение, а нечто вполне естественное. Я получила не только понимание и поддержку — мы стали одной большой дружной и любящей семьёй. Теперь у нас с сыном новая жизнь и новый дом!

История 25

Что чувствует мать гея?

Шпреза Кодра (Албания)

Я хочу обратиться ко всем!

За годы я узнала много людей из ЛГБТ*-комьюнити — искренних людей, которые не боятся говорить о своих чувствах и желаниях. Я знала многих родителей в сложном положении, родителей, которые не могли осознать, что происходит с их сыном или дочерью. Они рассказывали, что им приходило в голову покончить с собой или сделать вид, что ничего не происходит и попытаться забыть, что их мечты не стали реальностью. Разумеется, я сочувствую этим родителям, но гораздо больше я сочувствую их детям. Очень часто дети вынуждены обманывать, чтобы казаться не теми, кем они являются на самом деле. Чтобы не расстраивать родителей, они шаг за шагом обманывают и ломают себя, и в большинстве случаев это становится их ежедневной реальностью.

Я часто задаю себе вопрос, как я осознала, что мой сын Арбер был не таким, как другие. Я пыталась найти верный ответ много раз и поняла, что я всегда знала и чувствовала, что Арбер — особенный мальчик. Я не профессионал и не выдающийся оратор и раньше никому никогда не рассказывала об отличии моего сына. И хоть эмоции и обрушили меня, сила дать поддержку Арберу, до сих пор держит меня на плаву. Очень непросто осознать, что происходит, признаться себе, что твой сын — гей. Это сложно. Вернее, это было сложно. Арбер был таким милым и очаровательным ребёнком, мы были очень близки. Он всегда был со мной так внимателен и нежен. Я знаю, что, если бы я изначально знала всё, что знаю сейчас, я бы еще тогда поняла, что мой сын гей. Его деликатность и очарование подтверждали это. Наверняка это избавило бы меня, а особенно самого Арбера от тех страданий, через которые нам пришлось пройти в его подростковом возрасте.

Я не была готова к тому, что стало происходить с Арбером. Он начал закрываться в своей раковине и перестал рассказывать, через что ему приходилось проходить. Некогда очень привязанный ко мне, он стал всё больше отдаляться. Он не приходил ночевать, муж начал задавать всякие вопросы, и Арбер становился всё более и более нервным. Я винила общество в том, что оно сбило сына с пути и научило употреблять алкоголь. В то время Арбер пытался всё скрывать и приводил домой подружек. Творился настоящий хаос, и я, наплевав на все этические правила, начала копаться в его вещах. Однажды я нашла ответы на свои вопросы, когда обнаружила у него в кармане наркотики.

Зачем такому парню было употреблять наркотики? И тогда начался самый страшный и болезненный период в жизни нашей семьи. Я наняла одного человека, чтобы он следил за Арбером, за каждым его шагом, чтобы он помог мне понять, как я могу разрешить эту ситуацию. Постепенно я начала понимать, что происходит. Я осознала, что наркотики были лишь одной и далеко не самой важной причиной страданий моего сына. В тот момент я перестала рассказывать что-либо мужу, боясь, что иначе он может догадаться, и стала следовать за своим сыном по улицам Тираны. Вы даже представить себе не можете, какое унижение и боль я испытывала, когда шла одна по тёмным улицам Тираны, под ироничные шуточки таксистов.

Самое ужасное, это когда я не могла найти сына, когда не могла уследить за ним, и он ускользал из моего поля зрения. Я приходила домой вся в слезах, и сердце моё готово было разорваться от обиды.

Я ждала его до утра в его комнате, полной постеров с полуголыми женщинами и плюшевыми мишками. Казалось, я входила в комнату человека, который вынужден жить в двух разных мирах одновременно. По утрам он часто ругался, что я зашла в его комнату и в итоге прогонял меня. Потом я без толку могла часами ждать под дверью, чтобы он вышел и заговорил со мной. Когда он собирался уходить, я пыталась быть авторитарной и спрашивала, куда это он собрался. Но это обычно заканчивалось тем, что он все равно уходил, оставляя за собой поломанные предметы мебели. В одну из таких ночей мы встретились недалеко от дома, я села к нему в машину и начала задавать ему вопросы: «Почему ты употребляешь наркотики? Почему ты разрушаешь себя? Что есть такого большого и плохого, что заставляет тебя делать все эти вещи с собой, убивая себя?» И тогда он впервые посмотрел мне в глаза и сказал: «Ты знаешь!». Ты знаешь! Конечно же я знала. Я поняла, что именно разрушало моего сына. Я сказала, что знаю, но хочу услышать это от него. Я хотела, чтобы он сам всё рассказал. Помню, мы пошли к Тиранскому озеру, стояла кромешная темень, и тогда он рассказал мне о своих настоящих чувствах. Наркотики были для него единственным способом приблизиться к сильным и гибким парням из модельного мира Албании. В ту ночь мы много плакали вместе с сыном.

Сегодня я сдалась этой реальности: реальности, где мой сын — гей и где он выбирает наркотики, чтобы уничтожить эту реальность. Я выбрала своего сына. В течение всего периода реабилитации я была рядом каждый час, чтобы он не угодил в еще какую-то ловушку.

Я рада, что у меня появилась возможность узнать своего сына. Я счастлива, что ему хватило отваги найти свой путь, и я горжусь тем, что он делает. Ни Арберу, ни другим парням и девушкам, с которыми я имела счастье познакомиться, совершенно нечего стыдиться. Они не сделали ничего плохого. Они — наши дети. Мы дали им их жизни, которые Господь или кто-то другой выбрал для них. Им предназначено быть особенными, потому что они любят по-своему.

Я горжусь своим сыном, ведь он не разочаровал меня. Я горжусь им потому, что всё, чего он уже добился и еще добьётся в будущем — результат его труда и желаний.

Я также горжусь его работой, искренностью и самоотверженностью, которые он проявляет каждый день. Я могу сказать, что если бы у меня было немного больше информации, если бы я призналась себе в том, что и так знала, немного раньше, моему сыну не пришлось бы пережить все эти страдания. И я рада, что всё хорошо закончилось. Я не знаю, какой совет дать родителям в отношении их детей. Наверное, стоит проявлять больше заботы и внимания к молчанию своих детей. Вместо того, чтобы осуждать их, просто подумайте, ведь это наши сыновья и дочери! Прислушайтесь к ним, потому что они пытаются поговорить с нами через свое молчание. наших детей разрушает не сексуальная ориентация, их разрушает огромное давление и страх осуждения со стороны семьи, друзей и общества в целом. И не сексуальная ориентация делает их плохими или хорошими. Свобода быть человеком той ориентации, которая тебе дана, позволяет расти и добиваться успеха в других сферах жизни. Это наши дети, они нуждаются в нас, и они прекрасны!

В мае 2018 года мы с мужем получили приз в рамках ежегодной церемонии GALA, предоставляющей убежище ЛГБТ*-людям в Албании. нас наградили как самых поддерживающих родителей нашей страны. Мы были невероятно тронуты и посвятили эту награду нашему сыну. Мы рады показать людям, что такое безусловная любовь.

Не знаю, насколько может обрадоваться мать, узнав, что её сын — гей, но во всех известных мне ситуациях родители озлоблены, испытывают фрустрацию и настроены враждебно по отношению к своим детям. Я точно знаю одно: каждый отличный от других человек не хотел бы быть таковым, чтобы избежать всех тех проблем, которые возникают. Я знаю много не гомосексуальных людей, которые предпочли бы вообще не поднимать эту тему, но как же хорошо иметь возможность обсуждать это, не вмешивая в эти разговоры Бога!

История 26

Моему птенчику

Незе Тамер (Турция)

Я хотела ещё одного ребёнка. Во-первых, я думала, что он на всю жизнь станет другом моей старшей дочери. И я мечтала о дочери. Мне хотелось, чтобы у неё было большое сердце, чтобы она знала, как давать и получать любовь. Ну, и раз уж я решила раскрыть все секреты, скажу, что хотела, чтобы у неё были черные кудрявые волосы и зелёные глаза.

Позже я поняла, что мои мечты сбылись. Случилось чудо. У меня родилась дочь.

Через 17 лет я узнала, что моя дочь — лесбиянка. В то же время я поняла, что мир вокруг меня в буквальном смысле рушится. Я была раздавлена, ослеплена. Я не могла дышать. Мир прекратил существовать. Краски померкли. Я не видела ни одного проблеска. История моей жизни с моим ребёнком была разрушена. Мои мечты о будущем были уничтожены. Но сегодня я понимаю, что была раздавлена страхом того, что люди подумают о нас. Я потеряла свою дочь. Поскольку огромную часть моей жизни занимало материнство, себя я в тот момент тоже потеряла. Хуже всего было то, что я ничего не собиралась делать с этим состоянием.

И другое настоящее чудо спасло меня от этой тяжести, которой я оказалась раздавлена - моя дочь. Она протянула руку, и я взяла ее. Я протянула руку, и она взяла мою. Мир снова ожил и заиграл яркими красками. Любовь была вокруг. Она сказала, что не ошиблась. Я сказала ей, что она не одна. Она сказала, что у любви нет пола и гендера. Любовь была повсюду, для тех, кто знал, как ее найти и прикоснуться. В природе, в горах, которые она так любит, в падающей звезде на небе и сегодня... в девушке. Это была любовь, за которой она пошла. Не имело значения, где и в ком эта любовь была воплощена. И чем больше она рассказывала, тем больше я хотела стать частью ее мира.

Я хотела быть своей дочерью. Я стала свободной, как птица, которая может лететь много дней, не спускаясь на землю.

Хотя наша история была со счастливым концом, жизнь нелегка ни для нас, ни для наших детей. Дискриминация, маргинализация, речи ненависти и харассмент повсюду. Мы, как их родители, которые боятся даже самой мелочи, способной сделать нашим детям больно, мы продолжаем бороться за наших детей и вместе с ними, рука об руку. Мы продолжаем повышать осознанность и кричим, что мы не ошибаемся и мы не одни. «Даже если больше ничего не изменится, все изменится, если изменюсь я», - сказал Бальзак.

Так что, вы собираетесь изменить мир, чтобы узнать, что произойдет?

Из книги «Gökkuşağından Hikayeler»,
сборник рассказов семей LISTAG в Турции,
октябрь 2018 г.

История 27

Рома прожил свою жизнь гордым человеком, и я очень рада за него

Марина Мельник (Россия)

До каминг-аута Ромы у меня не было никаких мыслей, никаких ощущений... Он всегда был очень чутким, очень нежным, очень чувствительным с детства, и я даже не догадывалась и не думала ни о чем и никаких подозрений не было. Единственное, он не встречался с девушками, но я думала, что ну вот скоро встретит ту самую...

Когда Рома сделал каминг-аут, ему было 22 года. До этого он снимал ЛГБТ*-фестиваль «Квирфест» и фестиваль «Бок о Бок». Он практически до последнего все фотографировал, все активистские мероприятия Санкт-Петербурга - День молчания, Первомай, Радужный флешмоб, ЛГБТ*-прайды, Квирфесты и кинофестиваль «Бок о бок» - сняты им. Он мне показал фотографии, и сказал, что был на этом фестивале. И когда я стала задавать вопросы, смотрю, он немножко уклоняется от ответов, не объясняет ничего подробнее.

А через полгода Рома меня позвал в кафе и начал издали. «Ты знаешь, мама, есть вот такие люди, которые любят одного пола с собой людей... Вот, я такой, я гей». И я ему говорю: «А у тебя ещё будет семья и дети». И вот мы идем обратно, и я вижу, он посмотрел на какого-то парня. А я думаю: «Вот было бы хорошо, если бы он на девушек обращал внимание». Первая реакция у меня была такая. Потом у меня случился нервный срыв... Но я справилась с собой и не показала ему. Многие эмоции по поводу ориентации Ромы были пережиты, но чувство вины осталось. Оно прошло через полтора года, когда я начала общаться с другими мамами из Родительского Клуба «Выхода» (ЛГБТ*-группа в Санкт-Петербурге).

Осенью 2010 года на «Бок о бок» я, после просмотра фильма «Молитвы за Бобби», участвовала в обсуждении с другими мамами ЛГБТ*-людей. И на обсуждении мы сказали, что хотим такую же родительскую ЛГБТ*-детей, как в Израиле и в Америке, обменялись телефонами и начали собираться. Потом мы с Ромой изучили информацию,

которую нам дали в “Выходе”. Рома ходил на группу поддержки ЛГБТ*-людей. И после этого у нас с Ромой возникла концепция, как проводить встречи Родительского Клуба (в формате группы поддержки). Рома был первым модератором клуба. Мы думали, что будет проходить много родителей ЛГБТ-детей, но стали приходить сами «дети» с просьбой поддержать в каминг-ауте родителям и с ситуациями, когда родители не принимают. За несколько месяцев число посещающих наш Родительский Клуб выросло с десятка до 30 человек! Встречи проходили за эти годы по-разному и с разным количеством участников, некоторые родители получали помощь и поддержку и не становились активистками и активистами, а некоторые оставались и сформировали костяк. Родительский Клуб и сегодня продолжает свою деятельность, у нас две встречи каждый месяц: отдельно с ЛГБТ-молодежью, где участвуют мамы-активистки Родительского Клуба и вторая встреча только для родителей ЛГБТ*-людей, где мы делимся опытом и поддержкой.

Каминг-аут перед родственниками у нас с Ромой получился интересно. Мы вначале скрывали от мамы, скрывали от брата, скрывали от невестки. А в 2011 году весной «Выход» организовал конференцию с участием прессы и телевидения (НТВ). И фактически тогда я на всю страну на НТВ сказала, что есть клуб родителей ЛГБТ*-людей, и мы будем пробовать менять ситуацию в России. Мне было тяжело видеть своего сына нерадостным, что его ущемляют в каких-то моментах жизни. И я считала, что моя решимость может помочь сыну. Я очень люблю своего сына и у меня очень обострено чувство справедливости. Я не могу сидеть в стороне, и, тем более, если это затрагивает моих близких.

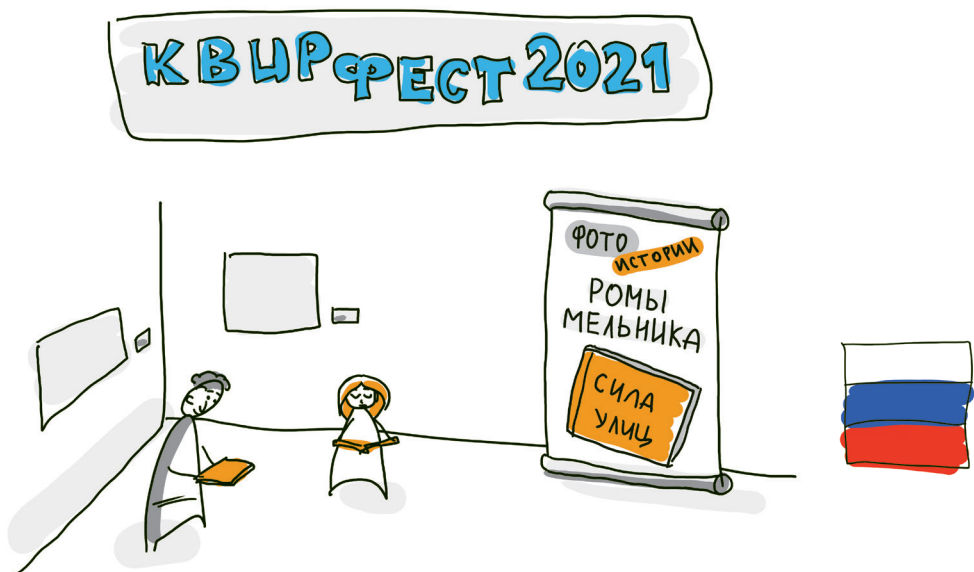
Чуть позднее, в этом же году нас с Ромой и Игоря Кочеткова пригласили на НТВ на передачу, посвященную принятию закона “о пропаганде” в Петербурге. На этой передаче депутат Бабич своими гомофобными речами так разозлил Рому, что мой сын вышел и очень смело и открыто сказал на всю страну перед камерами в прямом эфире, что он гей. Многие ребята из глубинки, приехавшие потом в Питер, рассказывали, что Рома был для них примером, а его откровенность спасением для них.

У меня мир стал гораздо больше, восприятие мира расширилось после того, как Рома рассказал мне о том, что он гей. У нас отношения стали еще ближе, чем были раньше. Совместный активизм нас с Ромой очень сблизил.

Я хотела, чтобы он был счастлив. Я очень ждала, когда у него появится партнёр. С его партнером Сашей мы общаемся, он до сих пор тоскует о Роме. Он Роме говорил, что кольца хочет купить, когда тот из больницы выйдет. Но Рома не вышел...

Рома до последнего был с нами, работал и занимался активизмом даже болея, он многим помогал... Саша говорит, что именно Рома помог ему полюбить себя и принять жизнь такой, какая она есть. И в память о Роме он старается жить оптимистично, насколько может. И в память о Роме я тоже стараюсь, как могу, что я могу сделать – я делаю.

Рома своей деятельностью, своей работой, доказал, что это гордо — быть геем, и насколько это важно — не идти на попятную, быть смелым, в мире с собою, в гармонии с собою. Он сумел вот так жить. Может быть, и мое участие есть в этом, и я рада, если так. Он всегда гордился мной как мамой, говорил, что я замечательная мама, очень, добрая и очень понимающая. Мне важно, что он прожил такую жизнь светлую, хоть и короткую — 34 года. Уйти от онкологии — это очень тяжело, он принял свою участь и уходил он тоже смело, не боясь того мира, куда он ушёл. Он прожил свою жизнь гордым человеком, я очень рада за него. Он не зря прожил свою жизнь.

История 28

Я почувствовала свою большую ответственность: я должна понять свою дочь и вести себя правильно

М. (Россия – сейчас живет в Америке)

Когда моя дочь была маленькая, я её одевала как куклу, и одевать её в платьица и юбочки, косички заплетать — это доставляло мне огромное удовольствие. Но наблюдать, что ей это был абсолютно не интересно, было немножко грустно. И потом, у неё были великолепные волосы, красивые, волнистые, она их отрезала в какой-то момент, и это тоже меня расстроило, но с этим надо было смириться, а что делать...

Лет в 19 она ко мне подошла с очень задумчивым выражением лица и торжественно сказала: «Мама, мне надо тебе что-то сказать». А у нас такие разговоры бывали очень редко, поэтому я сразу разволновалась и занервничала. И почему-то она мне предложила угадать, что она мне хочет сказать. Это уже было лучше, потому что если угадывать, то это уже и не так страшно. Самое страшное и первое, что пришло в голову, что она больна. Это была моя первая догадка. Дочь замотала головой. Нет! Слава Богу. Следующая попытка была: «Ты беременна». Нет. Слава Богу! И третье, что мне пришло в голову, не знаю почему, я сказала: «Ты лесбиянка?» И оказалось, что это было правильной догадкой. Я потеряла дар речи на какое-то время... Я знала, что это существует, но не знала никаких подробностей...

Первым чувством было огорчение, потому что это значит никаких красивых платьев, никаких красивых кудрей. Никакой свадьбы с прекрасным принцем. Никаких этих женских разговоров с мамой по душам. Про детей я не думала тогда еще... Я очень огорчилась. Но я поняла сразу, что мне нужно провести исследование, что такое лесбиянки.

Мы с дочкой много разговаривали, она мне рассказывала о своих друзьях, об отношениях. Всё это было, как читать захватывающую новеллу. И я почувствовала свою большую ответственность, что я должна

ее понять, узнать, что такое лесбиянки и геи, и вести себя правильно. Я доверяла дочери полностью, я знала, что она человек умный, основательный, и глупостями она не занимается, попросту говоря.

Наверно, желание узнать обо всём это побольше и позволило мне полностью принять все это.

Я просто знаю свою родную дочь, я её уважаю, всё, что она говорит, это интересно, и надо принимать ко вниманию всё. Я думаю, в этом и заключается проблема, почему другие мамы плохо реагируют. Наверное, потому что они мало знают, мало знают вообще обо всем. Есть люди, которые не хотят ничего знать — вот есть моя жизнь и я живу так и всё. Тогда тяжело, да...

Когда я стала читать уважаемых авторов, то оказалось, что это вовсе не черта характера, это не взгляд на жизнь. Из литературы я узнала, что это

нечто биологическое, так же как цвет глаз, цвет кожи. Это просто биология, и её надо изучить, понять и уважать так же, как остальные биологические различия людей. Одни люди такие, другие люди другие. Года два у меня занял путь от полного незнания и непонимания до полного понимания и уважения.

Выходили статьи учёных, психологов, всяких разных медицинских работников, которые изучали этот вопрос. А потом появились истории уже и по телевизору, и в кино. Истории людей, как они страдали, мучились, пока не сделали каминг-аут. Я заметила, что очень много среди этого круга людей, которые занимают уважаемые, высокие места в литературе, в искусстве. И их очень много. И мое понимание, что это редкое исключение изменилось на то, что это норма. Это только одна разновидность нормальных, психически полноценных, здоровых душой и телом людей.

Да, я до сих пор за нее боюсь, потому что она это не скрывает, а я знаю, что в России есть люди, которые очень сильно настроены против. Конечно, я бы хотела для нее более спокойной жизни. Но судьба другая получилась. Ничего страшного.

История 29

Это мне подарок судьбы такой

Елена Николаевна (Россия)

Гомофобия – это же не ненависть, это страх перед неизвестным. И внутренняя гомофобия, она, конечно, очень печальна, но и коварна. Потому что внешняя, активная гомофобия, с этим все ясно — ну, что с них возьмёшь. А внутренняя — это ужасно, и это разъедает изнутри. Твоя жизнь и твои коммуникации – все это меняется. Все рассказывают о своей семейной жизни, а ты вынужден либо выдумывать какую-то легенду, либо отмалчиваться, и всё время в напряжении: вот это можно сказать, вот это нет. Господи, ну до чего лучше, когда уже решишь, что можно! Всё, не надо таиться, не надо отсеивать какую-то информацию. Кажется, что умалчивание — это такой способ как-то сохранить себя, хотя на самом деле ты не сохраняешь себя, а разрушаешь...

Вообще истории каминг-аута делятся на две категории: либо мать ничего не знает и ничего не подозревает, и тогда каминг-аут для нее является шоком, какой-то неожиданностью - сразу всё. Либо когда мать догадывается - но это тоже, наверно, достаточно тяжело, потому что это вечные метания от отчаяния к надежде: «Ой нет, мне показалось! А всё-таки это...» И это продолжается годами.

Я не знаю, что легче. На самом деле мы оцениваем в своей голове все события. И наше отношение очень часто влияет на трагичность или не трагичность того, что с нами происходит.

Но когда узнаёшь об этом, жизнь совершенно разделяется на «до» и «после» - все иллюзии, все наши планы относительно детей, всё это разбивается вдребезги. И самое главное — понимаешь, что теперь это навсегда, потому что ребенок совершенно точно говорит: «Я — такой» - и это не изменить.

Для меня каминг-аут сына был полной неожиданностью. Сын долго и осторожно подбирался к сути дела: ему казалось, что

если он это немножко растянет, то мама за эти несколько минут немножко привыкнет, и ей будет не так больно. И он начал такую тираду: «Мама, это будет серьёзный разговор, и то, что я сейчас скажу, для тебя, возможно, будет неприятно и больно, но, поверь мне, я уже твёрдо решил. Не думай, что это можно изменить, полечить и как-нибудь избежать. То, что я тебе скажу, я принял, и я надеюсь, что и ты примешь во мне. Ты будешь шокирована, но, поверь, когда я это принял в себе, мне стало легче. Я готов ответить на любые твои вопросы, спрашивай. Я - гей.»

Но у меня не было никаких вопросов, потому что я ничего не знала, я не была готова спрашивать, я только думала, как бы в этот момент сохранить лицо.

В такие минуты думаешь: «Этого не может быть!» Или неправда, или это не в такой степени, или это пройдет. Но я понимала, что если он уже вышел со мной на такой трудный для него разговор, то он абсолютно уверен, что он гей, что это навсегда. И не надо пытаться, не надо силы - ни душевные, ни физические - тратить на то, чтобы надеяться и что-то исправить.

Сейчас он уже совсем зрелый и состоявшийся мужчина, и я думаю, слава Богу, что не прошло, еще раз меняться не надо. Человек уже нашел себя, у него есть прекрасный супруг, они уже много лет вместе. И я очень довольна.

Я тогда решила, что раз я не могу эту ситуацию переломить, значит, мне надо ее принять. А для того, чтобы принять ситуацию мне ее надо понять... На это мне понадобилось 2 года.

В 2010 году, когда я впервые в своей жизни услышала про ЛГБТ*, я думала, что этого совсем нет. И вдруг - оказывается есть, и совсем близко. Мне Дима говорит: «Ну что ты сидишь дома, переживаешь. Может, ты как-то хочешь пообщаться с людьми, чтобы понять?» Мне и страшно, и надо бы. Потому что мне интересно, что за люди. Думаю, ну, пойду, посмотрю. Прихожу в «Выход»... Сидят приличные женщины, да ещё и не убитые своим горем, а вполне жизнерадостные мамы геев и лесбиянок!

У меня был случай: я была участницей на мероприятии «Живая библиотека». И у меня там стояла табличка «Мать гея», люди ко мне подходили с

вопросами, мы с ними хорошо общались. Вдруг ко мне подбегает тётка, какая-то взлохмаченная, вся красная и кричит возмущенно: «Я вас не понимаю! Я вас не понимаю!» — «Что такое?» — «Почему вы такая веселая и общительная? У вас же такое несчастье!» Я так перепугалась: думаю, может, я что-то не знаю, я тут сижу, а у меня дом сгорел! «В чем дело? Что такое?» - «Ну как же! У вас сын гей». Я так смеялась над тем, как она не могла понять, что ситуация вовсе не трагична.

И вот я пришла в Родительский Клуб «Выхода» и увидела, что женщины-то нормальные, приличные. И довольно такие жизнеспособные. И я поняла, что у меня есть выбор: либо погрузиться в бездну переживаний и почувствовать себя несчастной - либо принять, что ты не особенная — много оказывается таких. Вот не особенная, и все. Так что давай голубушка, давай...

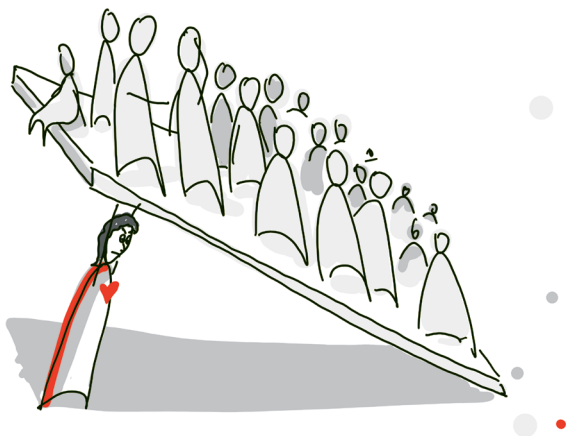
Дима рассказал мне первой, а есть же ещё отец. Я думала, а вдруг его это как-то заденет. Но как я ошибалась! Мой муж мне тогда сказал: «Ну и что? Как ты можешь так бурно реагировать на это? Как ты смеешь огорчаться? Огорчаться по поводу нашего сына? Он такой прекрасный и замечательный. Он принял себя, он сохранил свое достоинство, что же мы будем его стыдиться? Какое ты вообще имеешь моральное право огорчаться по этому поводу. Это его жизнь, он ее выбрал - быть самим собой, он справится. Если он справится, ну так, а что нам-то? Мы выполнили свой долг - мы его родили, мы его воспитали, всё. Он взрослый человек, это уже не наша жизнь. Это его жизнь. И мы должны это принять и уважать его выбор.»

А с остальными - мне либо повезло, либо уж я так по жизни людей выбираю. У меня есть подруги, которые, я знала, что поймут. И когда я одной сказала, то вижу, что человек от меня не отвернулся. Не пожалел меня, что меня обидело бы. И когда я увидела эту реакцию нормальных людей, которых я выбираю в свои друзья, я поняла, что я не буду одинока, я не буду страдать. Я свой круг сохраню, потому что это люди, которые мне близки. И кстати это очень хороший фильтр для формирования своего окружения.

Если бы в ответ на вопрос о жизни сына, у меня возникло бы желание что-либо придумать, умолчать, я посчитала бы это предательством по отношению к нему. У меня что, есть какой-то повод стыдиться его? Да ни в коем случае!

У меня были совершенно неожиданные каминг-ауты, когда, например, в большой компании среди коллег мы отмечали Новый Год и кто-то пошутил некорректно про геев. Я сижу и думаю: «У меня есть несколько секунд, в которые я должна решить, промолчу я или нет, потому что потом разговор будет переведен на другую тему и получится, что я согласилась с «шуткой». Нет, я не промолчала. Промолчали в ответ они и устыдились. Я поняла, что эта маленькая моя победа, я это выдержала. И я собой довольна.

Каждый ребёнок в момент своего каминг-аута осознает, что это поворотное событие в жизни его родителей. Я абсолютно не верю тем очень редким случаям, когда мама говорит: «Ой, ну какая ерунда, я совсем не переживаю по этому поводу.» Нет, это серьезно и, хотя это привнесет в жизнь определенные переживания и тревоги, но, в то же время, откроет в твоём ребенке то, что радует и дает повод гордиться им: я увидела, какой он смелый, мудрый и сильный. Это мне подарок судьбы такой. Если бы не случилось каминг-аута, то я бы не увидела всего этого. Он для меня стал в этот момент еще лучше, он меня повёл за собой. До того я была маленькая, скромненькая, много чего боялась. А тут я поняла: он такой смелый, а я буду бояться? Это вообще чей сын? Это мой сын! На самом деле, я изменилась. Раньше я не была такой боевой. Но раньше я и много чего не понимала. Мой сын дал мне возможность это исправить. Гражданская смелость приходит, когда необходимо что-то преодолевать, отстаивать достоинство. И тогда открывается второе дыхание.

Заключение

Чтобы изменить мир, необходимо действовать сообща.

«Родительский клуб» — это программа ЛГБТ-инициативной группы «Выход», существующая с 2010 года и направленная на поддержку родителей и семей лесбиянок, геев, бисексуалок/бисексуалов и трансгендеров. Проект оказывает помощь родителям ЛГБТ в понимании и принятии своих детей. «Родительский клуб» открыт не только для родителей, но и для сестер, братьев, друзей ЛГБТ, а также для самих представительниц и представителей ЛГБТ-сообществ, из-за своей ориентации и/или гендерной идентичности испытывающих сложности во взаимоотношениях с близкими.

В настоящий момент деятельность «Родительского клуба» — это:

- 1) регулярные встречи для ЛГБТ-людей с участием родителей из Родительского клуба, при участии психолога;
- 2) регулярные встречи родителей - участниц Родительского клуба;
- 3) подготовка информационных материалов о камин-ауте;
- 4) интерактивные встречи с мамами-активистками;
- 5) просветительские семинары, тренинги и конференции для родителей ЛГБТ;
- 6) бесплатные психологические и юридические консультации для родителей и членов семей ЛГБТ.

Присоединяйтесь к нам прямо сегодня.

Напишите нам!

Родительский клуб ЛГБТ-инициативной группы «Выход»:
rklgbt@comingoutspb.ru

Европейская сеть родителей ЛГБТ*-людей:
info@enparents.org

ЛГБТ-ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА «ВЫХОД»

«Выход» работает с 2008 года. Наша основная миссия — поддержка ЛГБТ*-сообществ Санкт-Петербурга и содействие признанию государством и обществом человеческого достоинства и равных прав ЛГБТ*-людей.

Наши юристы и психологи бесплатно консультируют ЛГБТ*-людей и их близких, а для ЛГБТ*-семей и родителей ЛГБТ*-людей мы организуем ежемесячные группы поддержки. Мы ведём мониторинг дискриминации, чтобы не быть голословными, говоря о положении ЛГБТ* в Петербурге. А еще занимаемся просветительской деятельностью: проводим встречи, семинары (в том числе по созданию инклюзивной среды для бизнеса), круглые столы, выпускаем информационные материалы по ЛГБТИК-вопросам и смежным с ними темам. Каждую осень делаем прайд-фестиваль Квирфест, где создаем пространство для диалога между различными частями общества.

Если вам нужна консультация психолога:

- запишитесь через форму на сайте www.comingoutspb.com
- по электронной почте psych@comingoutspb.ru
- или по тел. +7 (812) 242 54 69

Если вам нужна консультация юриста по вопросам, связанным с нарушением прав по признакам сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности:

- запишитесь через форму на сайте www.comingoutspb.com
- по электронной почте pravo@comingoutspb.ru
- или по тел. +7 (812) 242 54 69 и +7 (953) 377 68 33

Если вы трансгендерный человек и нуждаетесь в консультации от других трансгендерных людей, активистов Транс*миссии «Выхода», либо нуждаетесь в юридической консультации по смене документов или столкнулись с дискриминацией:

- напишите по электронной почте trans@comingoutspb.ru

О других программах «Выхода» и о нашей работе вы можете узнать здесь: www.comingoutspb.com

@comingoutspb во всех социальных сетях

В работе над российским изданием принимали участие:

Женя Муха: координирование, редакция, интервью, верстка, фото,

Света Колосова: иллюстрация, редакция, корректура,

Ольга Волкова: перевод и координация команды переводчиц и переводчиков (Анастасия Тихонова, Anastasiya Kiyanova, Айма, Алекс Дузенко, Антон Игнатьев)

ЛГБТ-инициативная группа «Выход» и

Европейская сеть родителей ЛГБТ*-людей благодарят:

- Родительский клуб ЛГБТ-инициативной группы «Выход» (г. Санкт-Петербург, Россия),
- Комитет по делам детей и молодёжи (г. Роскоммон, Ирландия),
- Совет Европы

**РОДИТЕЛЬСКИЙ
КЛУБ**

«То, о чём мы мечтаем в одиночку, остается мечтой. Однако то, о чём мы мечтаем вместе с другими, воплощается в реальность»

ЕВРОПЕЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ РОДИТЕЛЕЙ ЛГБТ* - ЛЮДЕЙ

**РОДИТЕЛЬСКИЙ
КЛУБ**

Родительский клуб ЛГБТ-инициативной группы «Выход»

WWW.COMINGOUTSPB.COM

ЛГБТ-ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА «ВЫХОД»

ЛГБТ-инициативная группа «Выход»